

Юрий МИХАЙЛОВ



НЕСБЫВШЕЕСЯ

Юрий Михайлов  
**Несбывшееся (сборник)**

«Автор»

2017

**Михайлов Ю. Х.**

Несбывшееся (сборник) / Ю. Х. Михайлов — «Автор», 2017

ISBN 978-5-4477-3128-1

В новой книге Юрия Михайлова «Несбывшееся» собраны произведения двух последних лет. Герои повести «Дорога в один коней» — дети из пионерского лагеря, которые сталкиваются с бандитами, сбежавшими из колонии. Вожатые встают на защиту своих подопечных, но им не удаётся предотвратить трагедию... В повести «Несбывшееся» подросток с забытой богом городской окраины становится рабочим, испытывает первые серьёзные чувства: полюбил дочь руководителя области, не догадываясь, кто она. И она тоже влюбилась в талантливого парня. Страшная авария на трассе разлучила их на годы. Выдержат ли испытание влюблённые, которым казалось, что они и дня не смогут прожить друг без друга?..

ISBN 978-5-4477-3128-1

© Михайлов Ю. Х., 2017

© Автор, 2017

## Содержание

Дорога в один конец	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

# Юрий Михайлов

## Несбывшееся

© Михайлов, Ю. Х., 2017

*Любимым моим – жене Ольге, детям Марии и Андрею – посвящаю*

# Дорога в один конец

## Часть первая

### Глава 1

Невысокие, яркие от ранней зелени сопки с проплешинами от гигантских валунов и блюдечками озёр в седловинах чередующихся друг за другом хребтов отступали от станции, давая поездам беспрепятственно обогнуть большой, но узкий при входе с моря залив, упрятанный от волн и ветров и настолько глубокий, что по нему уже не раз прогоняли мощные танкеры, а на песчаной береговой линии как на дрожжах росли бочки-великаны для хранения тысяч тонн нефти. Рельсы от станции к стройке прокладывают расконвоированные заключённые и содержанты ЛТП<sup>1</sup>, так называемые больные. Их разместили в двух финской постройки бараках, вместительных, с конвекторами для отопления, с баней и отдельной столовой, расположенных ближе к лесному массиву. Ни забора со сторожевыми псами, ни вышек с охранниками не видно. Хотя утренние и вечерние построения проводили военные с кобурами на португее. На шлагбауме у железнодорожных путей и в воротах на стройку стояли гражданские охранники с карабинами и солдаты спецвойск с «АК»<sup>2</sup>.

По соседству с перепаханной, заваленной металлом и бетонными плитами землёй, торчащими тут и там сваями, с грохочущими паровыми молотами, вырубленным лесом, загаженным пока ещё небольшими разливами нефти белым морским песком и тёмно-зелёными зарослями водорослей, остающимися на целых полкилометра беззащитными после морских отливов, вот здесь, на небольшом мысочке, выступающем в залив на четыре в длину и три километра – в ширину, густо покрытом сосновым лесом, с низкорослыми, немного разлапистыми деревьями, и размещался пионерский лагерь.

В мае, сразу после праздников, приехал для знакомства на месте и подготовки детского отдыха директор пионерлагеря, он же начальник административно-хозяйственной службы головного рыбокомбината Виктор Сергеевич Смирнов, недавно отпраздновавший своё пятидесятилетие и воспринявший поручение парткома и профкома по организации лета, как наказание за какие-то тяжкие грехи. В повседневной жизни он не боялся ни чёрта, ни дьявола: комбинат – трижды орденосный, лидировавший по объёмам выпускаемой продукции в Европе, имевший свой флот, тянувший почти всю социалку областного центра, – открывал начальнику хозяйства огромные возможности. Да и стороной не обходили Смирнова: на юбилей ему вручили орден Трудового Красного знамени, выше награда только у генерального директора – орден Ленина. Героев Соцтруда присваивали традиционно рабочим цехов.

Небольшого роста, упитанный, но не толстый, с абсолютно смоляными, без седины и залысин, волосами, прямым носом и рельефно очерченными губами он походил на римлянина из нашумевшего фильма о восстании рабов. Говорил медленно, уверенно, в его карих глазах никто и никогда не видел гнева, но и сочувствие тоже не касалось их. Замешкавшегося директора местного рыбзавода он лично вызвал по рации, размещённой в одном из корпусов пионерлагеря на втором этаже. Другой связи с миром не существовало. Красный и потный директор прибыл через пару часов на своём катере, хотя на море ещё плавали льдины. Недостатков Смирнов обнаружил много, на третий день собрал всех занятых в подготовке летнего сезона,

---

<sup>1</sup> Лечебно-трудовой профилакторий.

<sup>2</sup> Автоматы Калашникова.

объявил: увольнять за пьянство и туеядство будет беспощадно, 33-я статья даёт ему такое право, предупреждений и прощений не ждите, так и сказал. Добавил, помолчав: «Детей, не дай бог, что случится с ними, не простят нам ни родители, ни руководство...»

Оставшиеся три недели мая работали по шестнадцать часов в день, благо белые ночи позволяли это делать: заново покрасили столовую, клуб, перекопали песок на футбольном поле, заново расчертили площадку для построения детей, расширили, расцвелили пароход, разместившийся на ней с гордым именем «Юный рыбак». Уже не говоря о том, что просушили впервые за многие годы всё постельное бельё, хранившееся на складе, морским песком отдраили кухонную утварь и посуду, стали заполнять ледник новыми продуктами, которые потоком повезли с городских складов. Клуб топили несколько дней, выгнали сырость, очистили плесень на стенах биллиардной комнаты, в библиотеке перебрали и протёрли книги, наконец, в трёхсотместном зале, оказалось, можно находиться без курток. Киномеханик опробовал половину заготовленных фильмов, склеил обрывы, проверил пожарную безопасность. Степан Петрович Кирьянов, завхоз пионерлагеря, разве что не плакал от счастья: никогда не видел такого хозяйственного человека на должности директора.

За четыре дня до начала смены Смирнов объявил: едет формировать списки по отрядам для отправки детей, за него остаётся Степан Петрович. Рядом с ним будет находиться замглавного инженера местного рыбзавода, так лучше осуществлять связь с базой, сказал директор. Что он имел в виду, пояснять не стал. О парадоксе ситуации, к счастью, знали немногие: по документам Кирьянов С. П. (Степан Петрович) числился сторожем базы отдыха, состоящей на балансе у того же завода.

На маленькую железнодорожную станцию Беломорье приехали на машине пионерлагеря всем обслуживающим персоналом. Вторую трёхтонку удалось нанять прямо здесь и сравнительно недорого: за две поллитровки водки, хотя водитель, по словам жителей посёлочка, примерный семьянин, это, мол, такая уж повсеместная расценка – в «поллитровках». На его машине тёсанные лавки закреплены стальными скобами, как ни старайся – сходу не вырвать даже взрослому человеку, не то что пацанам. «Но дети есть дети, лучше подстраховаться, – не спеша думал, сидя на покосившейся станционной скамейке, Степан Петрович, никем особо и не уполномоченный за перевозку малышей, но по долгу службы, как завхозу, сторожу и пожарнику пионерлагеря одновременно, ему и не надо было никаких особых полномочий: вот нашёл второй автомобиль – уже хорошо, значит, самых маленьких можно подвести эти километры по лесной дороге, а их вещи вместе с поклажей остальных загрузить в нашу машину...» Её с вечера оборудовал тентом из парусины на случай дождя штатный водитель Владимир, рыжий, словно солнышко, только что прибывший из армии и почти не пьющий парень.

Рядом с завхозом на платформе стояло с десятков рабочих: электрик-водопроводчик, повар, киномеханик, несколько истопников. В трёх спальных корпусах детского лагеря, в столовой, десятке финских домиков для обслуживающего персонала (их завхоз называл обслугой, считая это слово совсем не обидным, а вполне точным по определению), большом щитоблочном клубе отопление ещё с времён войны, когда здесь в спешном порядке построили госпиталь для выздоравливающих воинов, печное. Лето на Севере игривое, даже в июне не раз доходило до снежных зарядов.

Шофёр Вовчик, как его легко все стали называть, что-то сегодня разыгрался с сестрой-хозяйкой Софьей, направленной в детский лагерь, как и все остальные из обслуги, рыбзаводом – филиалом, притулившимся в южной губе Белого моря, с просмолёнными чёрно-зелёными сваями причальной линии, старыми транспортёрами и проржавевшей железнодорожной веткой, древними постройками разделочных цехов из красного кирпича, по углам зданий скреплёнными стальными обручами на случай штормового ветра и большой волны.

Стоявшая чуть в сторонке Лилия Витольдовна, молодой врач-педиатр, реагировала на солдатские шутки Вовчика презрительной улыбкой, но она никого не знала кроме Степана

Петровича и ей волей-неволей приходилось общаться с командой, высланной на станцию для встречи специальной электрички, везущей более двух сотен детей от семи до четырнадцати лет из столицы области, где располагался головной рыбокомбинат. Медсестра с лекарствами и аптечкой первой помощи ехала вместе с детьми.

– Переходим к запасному пути, вон, там уже стоят два наших автомобиля, – постарался весело сказать завхоз. – Владимир, за второго шофёра отвечаешь головой, веди его, не пропускай вперёд, у него будет малышня... Идите оба к машинам, проверьте ещё раз замки на сиденьях, раздвиньте тент, держитесь наготове. Вам, мужики, – обратился Степан Петрович к остальным, – разбиться на пары, прирасти к выходам из электрички, принимать детей аккуратно, их вещи, с пятого по десятый отряды, складывайте вместе, потом перенесём на машину. С детьми едут вожатые – студенты, такие же дети, отправляйте их вместе со всеми на построение. Делаем переключку, малышей и вещи – по машинам, остальные пешочком... Впереди два привала, примерно по километру отрезок, места отдыха обозначены флажками, воду в канистрах брать у Вовчика, туалет – рядом, в кустах. Вопросы есть? Вопросов нет. За детей отвечаем головой, все вместе и каждый по отдельности...

Подбежала дежурная по станции, обратилась к Степану Петровичу:

– Товарищ начальник, электричка уже на соседней станции, ждём минут через тридцать...

Завхоз демонстративно пожал женщине руку, сказал негромко: «По местам». Направляясь к запасным путям, подумал: «Надо бы Лилии, как её там по батюшке, не выговоришь с разгона-то, помочь рельсы перейти... Кто ж на каблучках-то ходит по нашим пескам?!» – и протянул врачу ладонь, повёл её, покрасневшую и смущённую вниманием, через железнодорожные рельсы. Следом потянулись низкорослый, крепкий, с квадратной челюстью боксёра, старший из истопников финн Хилтунен, грубый, пьющий, державший здесь уже года три марку «разводящего». Все знали о его агрессивности, драках, но кто-то из начальства завода каждое лето выпроваживал скандалиста на природу. На Петровича, так звал он завхоза при редких обращениях, финн не тянул, зная, что у того двое сыновей живут в городе, да и сам он – мужик не хлипкий, в свои пятьдесят с гаком лет вместе с женой остаются на долгую зиму в лагере, держит два охотничьих ружья, зайца бьёт с первого выстрела и плавает почти каждое утро с мая по сентябрь через малый пролив (километра два туда-обратно), при температуре воды двенадцать-четырнадцать градусов. Как настоящий помор и хозяин в доме, держит три десятка овец, перевозя их на вместительной лодке на дикие острова, самостоятельно выгружая на берег и перетаскивая в конце лета обратно на борт «доры».

За истопником-бригадиром потянулись два его сменщика, дежурившие через день, тихие мужичонки, работающие в порту на разгрузке судов в путину и живущие с семьями в старых бараках у самого рыбзавода. Летом они присматривают не только за столовой пионерлагеря, но в холодные дни топят и спальные комнаты детишек. Электрик совмещает должность водопроводчика, следил за подачей воды в распределительный бак, откуда она самотёком идёт в умывальники на улице и паровой котёл в бане для помывки детей. Огромный бак стоит на трёхугольных десятиметровых распорках справа от въездных ворот и футбольного поля, покрытого чистейшим, крупного размера морским песком. Завхоз долго пытался сеять здесь траву, подсаживал дёрн, а толку? При очередном шторме ветер переносил песок с береговой линии на кромку леса и на поле.

Во всех начинаниях по благоустройству завхозу помогал электрик, работавший с детьми пятое лето, человек скромный, в очках из металлической оправы, постоянно спадающих на кончик длинного узкого носа и открывающих серые лучистые глаза. За весь май, когда готовились к сезону открытия, он ни разу не был замечен в загулах, чего не скажешь об истопниках и поваре, бывшем коке, списанном с морских судов за пьянство. У него в столовой тру-

дились ещё две женщины пенсионного возраста, хорошие повара, которые вполне обходились без указаний начальства.

Хилтунен подмял кока в первую неделю их знакомства, и тот приносил закуски прямо в «кубрик» истопника, где пьянки длились до рассвета, когда солнце заходило за сопки всего на полтора-два часа, не погружая землю в темноту. Не раз Степан Петрович замечал там и сестру-хозяйку, и посудомоек – близняшек, только что окончивших ПТУ, толстых и неопрятных девиц, успевших, видимо, крепко погулять в этой жизни и подружиться с мужиками.

Замыкал процессию на перроне киномеханик, он же завклубом, муж одной из поварих, следившей за ним не хуже сотрудников ЛТП. Тот уже успел где-то остограмниться, причём завхоз точно знал, что на время приезда детей поселковый магазин закрыли.

По дуге тихого, с ровной береговой линией залива, будто по воде, заскользили пять вагонов зелёной электрички. Несколько гигантских нефтяных цистерн скрыли её на минуту-другую, но и они остались позади, скоро голова поезда втянулась на запасные пути станции.

## Глава 2

– Знакомьтесь, Степан Петрович, – сказал Смирнов, представляя молодого человека лет двадцати пяти, не больше, выше среднего роста, с волнистыми русыми жёсткими волосами, прямым носом и серыми в зелёную крапинку глазами, – мой тёзка, Смирнов-два, зовут Константин, отслужил армию, учится на третьем курсе нашего пединститута. Назначен комсомолом старшим пионервожатым, мой заместитель по воспитательной работе, с ним шестнадцать студентов, физрук и баянист, правда, слухач, а также курсант мореходного училища, будет вести морское дело. Парусные шлюпки мореходка пришлёт на днях, обещали два, а может, и три яла... Как вы, всё нормально, всё ли готово? Дети ужасно хотят есть, все домашние запасы подчистили за дорожку...

– Рад видеть такую гвардию взрослых, – сказал опешивший завхоз, – мы старались всё предусмотреть... В лучшие годы здесь на отрядах работало по одному взрослому человеку-воспитателю, как правило, тоже работники завода и учителя нашей ШРМ<sup>3</sup>. Обед готов, ждёт ребятшек... Переключку будем делать?

– Как, Костя, есть целесообразность? – спросил директор.

– Мы перед высадкой всех посчитали, всё сошлось, как мне доложили вожатые. Можем двигаться, – старший вожатый ни в чём не сомневался.

– Есть две машины, одна трёхтонка с лавочками, посадим туда самые младшие отряды, сколько войдёт... На второй – повезём вещи, тоже сколько влезет, начиная с самых маленьких и до старших. Не войдёт что-то, придётся самим тащить... Ну, мы, взрослые, поможем. Вот такая диспозиция, – завхоз отрапортовал как истинный военный или как человек, знакомый с военной службой.

– В поезде мы разучивали песню «Шла с ученья третья рота», – сказал, улыбаясь Костя, – вот по дороге и проведём смотр строевой песни, отряд-победитель ждёт большущий торт или пирог. Как столовая, сможет нас выручить со срочной выпечкой?

– У нас два повара – мастерицы на все руки, даже не сомневаюсь, что на ужин пирог будет готов. Морошковым вареньем поделится моя жена, прошлый год наварили несколько банок, – завхозу идея молодого вожатого явно понравилась.

Пока рассаживали в машине малышню, а её набралось больше сорока человек, куда посадили и двух девушек-вожатых, пока загрузили к Вовчику почти все мешки, сумки и чемоданчики, шесть отрядов, примерно по тридцать человек в каждом, тронулись по утрамбованной грунтовой дороге к лесу. Завхоз распределил каждого взрослого из obsługi в отряд, чтобы

---

<sup>3</sup> Школа рабочей молодёжи.

сlediли за порядком и вовремя помогали уставшим пионерам. И вместе с директором они замкнули шествие. Степан Петрович докладывал текущую ситуацию, но о короткой схватке с истопником в последнюю ночь перед приездом Смирнова промолчал, решил сам поговорить вечером с трезвым финном.

А в это время пятеро вожатых, трое ребят и двое девчат, бегом выдвинулись на полкилометра вперёд, прихватив с собой баяниста, маленького, круглого, смешно таращившего глаза паренька по имени Никита, и расположились на нескольких валунах прямо перед входом дороги в сосновый бор. Жюри смотра строевой песни определили тайным голосованием ещё в электричке, благодаря этому интересному занятию ребята узнали почти всех вожатых, познакомились с ними и друг с другом, подали Константину около двухсот самодельных конвертиков с именами и фамилиями.

Никита всех насмешил, вдруг запыхавшийся, потный, поскольку тащил на себе инструмент, обратился к вожатой самого младшего отряда Татьяне Сергеевой:

– Мать, выручи, напой мелодию песни «Шла с учёня третья...»

– Никита, ты что, издеваешься, что ли?! – возмутилась девушка. – Только что больше часа пели песню в вагонах электрички... А ты мелодию забыл. Ты же музыкант?

– Я вообще-то мастер отдела технологического контроля, а на баяне учился играть только в детской музыкальной школе... И я не виноват, что штатный баянист сломал руку и получил сотрясение мозга. А со Смирновым не поспоришь, сказал мой начальник... Так что не обессудьте.

– Ты хоть гимн-то Советского Союза помнишь, композитор? – спросил незло один из вожатых, заядлый альпинист, не расстающийся с гитарой, Эдик Стаканов, тоже, как и все здесь собравшиеся, студент третьего курса пединститута.

– Напоёте, не बारे, – махнул рукой баянист и растянул меха.

Первый отряд прошёл с ленцой, подтрунивая друг над другом, всем видом давая понять, что это занятие не для них, вполне взрослых людей. Но пропели, не халтурили, остановились справа от валунов, стали наблюдать за прохождением остальных отрядов. Их вожатый, Володя Кретов, тихо сказал коллегам по жюри:

– Знаете, что они заявили мне? Всё равно отберём торт у салажат, пусть только попробуют не поделиться...

– Ну, это уже свинство, – искренне возмутилась Татьяна, – это надо заслужить, милые мои. Я вот молчу, хотя моим первоклашкам как бы тортик-то не помешал, чай, без родителей к ночи плакать горячими слезами будут...

Так же с некоторой ленцой прошли и пропели ребята из второго отряда. Но уже с третьего по шестой отряды конкуренция было жёсткая: орали, хоть уши затыкай, а то лопнут перепонки. И проходили хорошо, ровно, рядок к рядку, чеканя шаг. Когда к жюри подошёл Смирнов-старший, ему сказали, что можно объявлять победителя. Им стал четвёртый отряд, которому на вечерней линейке будет вручён сладкий многокилограммовый пирог.

Не заметили, как пролетело время, дети отдохнули, всем хотелось броситься в лагерь, увидеть море и поесть. Уже собрались идти последний отрезок пути до пионерлагеря, как из леса вдруг вышли четверо мужчин, одетых в одинаковые грязно-чёрные фуфайки, стёганные ватные брюки, заправленные в резиновые сапоги. На головах – байковые шапки-ушанки серого цвета, за ремни на поясах заткнуты брезентовые рукавицы.

– Ой, кого мы видим... Какие детки, какие мамки, какие буфера! – начал довольно громко орать и дурачиться один из мужчин, длинный и худущий, фуфайка болталась на нём, как на вешалке. – Держите мя, братва, щас упаду от любви, не встану...

– Николай, Степан Петрович, поговорите с ними, – резко сказал Смирнов-старший, обращаясь к физруку и завхозу, – если что, мы рядом, уведём детей в лес и ждём вас.

Николай, высокий, жилистый, тридцатилетний мастер спорта СССР по современному пятиборью, без промедления направился к энкам. А то, что это были они, ни у кого не оставалось сомнений. За ним пошли Степан Петрович, вдруг вмиг преобразившийся, напрягший плечи и спину, сжавший ладони в кулаки и Смирнов-младший, Константин. Рядом держались вожатые четвёртого и пятого отрядов – Стаканов и Онучкин, альпинист и лыжник, друзья не разлей вода.

– Предупреждаю, – сказал Николай, подойдя на расстояние в несколько шагов от энков, – завалялю любого, кто ещё раз откроет рот в присутствии детей и женщин! Забудьте дорогу сюда! Это – суверенная территория пионерлагеря...

– Ой, и у вас – лагерь... – продолжал разыгрывать дурочку тот же худощавый заключённый, перевернув шапку ушами к лицу и подвывая на гласных звуках. – Щас мя завалят фразера...

Физрук даже не взмахнул рукой, он просто ткнул ладонью куда-то в область живота энка, и тот буквально переломился, сложился, как штангенциркуль. Бледный, с раздувающимися ноздрями, Николай медленно сказал:

– Кто ещё хочет отдохнуть? Я всё кубло ваше зарюю, шавки! А кто спросит, скажите, сюда приехал Витас с Прибалтики...

– Братан, зря ты так, сказал бы, не было бы базара... – заговорил каким-то писклявым голосом мужик низенького росточка, в отличие от других обутий в яловые начищенные сапоги. – Мы детей не обижаем. О Витасе я скажу кому надо. Но ты нас обидел... Если за тебя не будут тянуть мазу, мы тебя порешим... – Он щёлкнул пальцами, двое энков подняли лежавшего без движения кореша, потащили по дороге к станции. За ним последовал и вожак.

– Николай, что случилось? – спросил встревоженный разговором Константин. – Тебе угрожают, с тобой хотят расквитаться? Это серьёзно, ребята... Степан Петрович, что это такое? Мы видели из электрички стройку, значит, здесь работают энки? Ведь у нас двести детей, почти три десятка женщин – вожатых вместе с обслуживающим персоналом...

– Ты прав, Костя, – сказал завхоз, – здесь энков, но расконвоированных, будто вставших на путь исправления, вместе с сидельцами ЛТП – около двух сотен человек. Это угроза пионерлагерю... Но не будем паниковать, ребята, вечером соберёмся с директором, обсудим ситуацию. Николай, ты не убил энка?

– Не знаю, получилось жёстко, слишком он достал меня... Надеюсь, оклемается, но селезёнку я ему точно порвал, – было видно, как огорчён физрук. Он явно хотел что-то сказать, но искал подходящие слова, чтобы не испугать своих товарищей ещё больше. – Я воспитывался в литовском детском доме, до армии успел побывать на зоне, до прихода в большой спорт водился с ворами... Но это всё – в прошлом. У меня семья, двое детей, выступаю за сборную профсоюзов страны, мастера спорта получил. И вот напомнили, скоты... Да, они начнут мстить. Надо сегодня после отбоя собраться мужским составом, обговорить вариант введения особого положения в пионерлагере и прилегающей территории. Будем просить директора срочно поехать в город, к руководству исправительных учреждений... Вы правдиво сказали: расконвоированных энков не бывает, есть только энки.

### Глава 3

Педсовет состоял из двух частей, вёл его старший пионервожатый Константин. Собрались в клубной библиотеке, за десятью читательскими столами. Все так устали, что решили не затягивать совещание.

– Извините, не мог не собрать вас, ребята, – сказал Костя, – прошу быть предельно бдительными, особенно с малышовыми отрядами... Ситуацию пояснит замдиректора Степан Петрович. А я лишь хочу ещё раз представить вас по отрядам и девочек отпустить спать.

По распределению отрядов никто не возражал, у многих за совместную дорогу уже появились любимчики, как тут побежишь куда-то. План работы на целую смену Костя обещал вывесить завтра же и в клубе, и в столовой. Подчеркнул главные события: спартакиада по десяти видам спорта, включая шахматы, смотр художественной самодеятельности, игра «Зарница», праздник Нептуна, сказал, совместим с Днём рыбака, государственным, между прочим, праздником, туристские походы – вплоть до пятого отряда, а малышей, только бы получилось, на заводском катере будем вывозить на экскурсии, покажем им гагачьи гнёзда на островах. Официально представил новых сотрудников: физрука, руководителя морского кружка и музыканта.

Степан Петрович осмотрел собравшихся, его круглое широкое лицо успело загореть на весеннем солнце, забронзовело, ресницы стали белыми, что особенно подчёркивало какую-то глубину карих глаз и рисунок морщинок в уголках, переходящих к вискам. Он строго сказал:

– Всё отладим по ходу работы, у нас есть всё, мы народ запасливый. По режиму: соседство у нас плохое, надо быть начеку, за ворота пока выходить не будем, территорию со стороны залива за два-три дня постараемся загородить. На первые несколько ночей вводим патруль из двух человек, эту неделю подежурят мужчины из obsługi, а там видно будет по ситуации. Главное, не ходите по одному возле границы с заливом... Но без паники, мы при стройке живём уже третий сезон, Бог миловал, никаких ЧП не случилось.

Девушек-вожатых отпустили спать, подъём и утреннюю линейку перенесли на десять утра вместо восьми часов, чтобы и дети, и взрослые получше отдохнули с дороги. За читательские столы расселись мужчины. Виктор Сергеевич, директор, говорил отрывисто, жёстко:

– Моя вина, не придавал значения тому, что на стройке расконвоированные осуждённые, надо бы ещё весной объехать начальство, добиться введения там на лето усиленного режима. Вы понимаете: другой базы отдыха для детей нет, здесь ребятам нравится, вот Виктор из мореходки, руководитель кружка, сам когда-то не раз ездил сюда, теперь приехал учить нас парусному делу. Выдержим первую неделю, отладим режим с повышенной бдительностью, дальше буде легче. Завтра еду на машине в город, постараюсь кое с кем встретиться, вернусь часам к пяти. Николай, физрук, прошу, никаких контактов с эками, постарайся быть всегда на людях. Степан Петрович попросил на станцию подбросить, до обеда за старшего остаётся, естественно, Константин. Зама главного инженера я вернул на завод, так будет правильнее, он обещал составить маршруты выхода катера в море и договориться, чтобы экскурсии провёл директор заповедника, между прочим, сын того самого Бианки и тоже Виталий Витальевич.

Почти половина мужчин-курильщиков, не сговариваясь, пошли к Бараньему лбу, так называлось место на берегу, где за мысочком, поросшим елями и соснами, огромный белый валун спускался к заливу, уступами уходя в море, и где вода прогревалась на несколько градусов больше, чем во всей довольно глубокой бухте с причалом и выносными туалетами. Солнце только что село за остров, разделяющий залив на две неравные части, будто провалилось в воду. И это почти в одиннадцать часов ночи. Багряные всполохи на небе отражались на мелкой водной ряби: ветерок шёл низиной, не поднимая волны.

– Мужики, курим только здесь и то, когда нет детей, – сказал Константин, прикуривая сигарету с фильтром.

– Мы не с вами, мы с попами, – съязвил Юра Великанов, вожатый второго отряда, раскуривая рабоче-крестьянскую «Приму», естественно, без фильтра, – мои архаровцы видели лодку с тремя мужиками, в бухту к нам те не рискнули зайти, возле Бараньего лба повернули к стройке... Я сказал, конечно, чтобы никаких контактов, эки не самые надёжные друзья. Но, слава богу, мои их боятся, дали дёру в лагерь, чтобы рассказать мне. Я выходил на мысок, но их уже не было: или мотор завели, или лесом пошли, спрятав лодку. Кость, давай я утром с парой своих ребят пройду берегом, проверю информацию да и лодку поищем.

– Нет, Юр, двоих пацанов – маловато будет, – сказал Костя, – сходите со Стакановым и Онучкиным, багры на всякий случай возьмите, будто берег хотите почистить от топляка...

– Дам вам, ребятки, ракетницу, тоже на всякий случай, – подытожил разговор завхоз, докуривающий свой неизменный «Север», – если что, палите, хоть в них, хоть нам сигнал подавайте.

– А что если попросить у соседей парочку солдат с автоматами, пусть поживут у нас недельку-вторую, походят по забору, у ворот пофигурируют? – сказал Никита-баянист, некурящий, но любящий мужские посиделки.

– Ну да, может, ещё и пару немецких овчарок попросить? – опять съязвил Юрий. – Человек с ружьём тоже не безопасен, надо только на себя надеяться, если директору не удастся завтра сменить режим расконвоирования.

\* \* \*

Утренняя линейка и завтрак прошли в рабочем режиме, правда, посмеялись: вторая вожатая младшего отряда, Наташа Чегина, неплохо играющая на пианино, подсказала баянисту, с каких нот начинается гимн страны. Его исполнили, когда на мачте корабля вожатый дежурного отряда поднимал флаг (не знамя пионерской дружины, которое стояло в клубной библиотеке, а морской флаг, который пионерлагерю подарили курсанты мореходного училища). Константин не стал забираться на корабль, рапорты выслушал, стоя на земле. Сказал, что сегодня первый день отдыха и что просит посмотреть в столовой и клубе вывешенные на стенах планы весёлой пионерской жизни. Вскользь, но громко, чтобы слышали все, даже первоклашки, объявил о режиме секретности, вводимом на территории пионерлагеря: началась подготовка к «Зарнице», полным ходом идёт «минирование» подступов к лесу и заливу. Придётся недельку потерпеть, не выходить к морю, а делается это ночами, пока все спят и для того, чтобы в отрядах не знали, где будут проходы через «минные поля». Вожатые и первый отряд оценили экспромт Кости, поулыбались, но разоблачать информатора не стали.

Ели хорошо, дружно налегали на гречневую кашу с топлёным маслом и котлетами, на середине каждого стола стояло блюдо со свежими огурцами, завод прислал из своих теплиц: для детей ничего не жалко. Кофе из цикория разливали по стаканам из графинов, повар тётя Вера ходила по столам и говорила: «Пейте до отвала, *кофэ* на молоке, вкус-на-я, всем хватит!» И то правда, кофе шло на ура, некоторые допивали по второму-третьему стакану.

Отряды Онучкина и Стаканова получили от своих вожатых задания по установке туристской палатки и сборке рюкзака. Девушки помогали ребятам, разбившимся на пары, ибо палаток, на самом деле, было всего две штуки, зато рюкзаков – целый десяток. А студенты, под руководством Юрия, вожатого второго отряда, как и договаривались с ночи, взяли багры на пожарных щитах и вместе с Виктором, курсантом мореходки, бездельничающим без шлюпок-ялов, пошли к заливу.

Солнце стояло в зените, пригревало сильно, хотя на берегу всё же чувствовался холодный ветерок. Штормовки пригодились, не затрудняли движение, ребята быстро оказались у водной глади. Трава, валуны, покрытые густым мхом, кустов у моря на Севере почти не бывает. И песка не видно, вода на расстоянии двух-трёх метров от берега буквально густеет, её чернота говорит о большущей глубине. Пройдя с километр, они поняли, что лодку здесь никто не прятал, разве что затащили в лес, это можно сделать, мох позволит, но мужчин должно быть минимум трое, один тянет с носа, за канат, двое – толкают с боков.

Не сговариваясь, с полуслова понимая друг друга, свернули в лес, начинающийся буквально в двадцати метрах от береговой линии. Если идти строго перпендикулярно от воды, километра через два выйдешь на дорогу, ведущую от станции к пионерлагерю. Ещё через два, примерно, километра – берег глухой бухты, с песчаными откосами, целыми дюнами из песка,

с лиственными деревьями и тучами мошкары. На противоположном берегу стоят старинные облезлые причалы, здесь когда-то располагалась одна из многочисленных баз рыболовецкой бригады – фактория Белой губы. К ним подходили суда, забирали рыбу, везли на заводы для переработки. Все эти подробности рассказал Виктор, который несколько лет ездил отдыхать в пионерлагерь «Юный рыбак», в совершенно глухое и безопасное место, о котором знали только местные жители.

– Не видел, остались ли здесь зайцы, но мы пацанами гоняли их прямо по дороге и на лугах перед самой станцией, – закончил рассказ курсант, снял ветровку, остался в тельняшке, обвязал куртку вокруг пояса. – Шас будет несколько озёр, небольших, похожих на блюдечки... Вода в них теплее, чем в море, на несколько градусов, но сколько мы ни старались, не могли достать дна в середине озёр, видимо, провалы в скальном грунте, соединены они прямо с заливом, потому как вода солоноватая. Ловили окуней, вы не представляете – как лапти, тёмные, а плавники красно-бордовые аж...

На горушке впереди увидели мужчину, остолбенели, настолько неожиданно он появился здесь, буквально в двадцати шагах от парней. Стоял у сосны, в руках сапёрная лопата, что-то бормотал, разобрать невозможно, влево и вправо от него летели куски мха, срубаемые металлом.

– Эй, мужик, привет, – сказал Онучкин, довольно бесцеремонный в жизни человек, – ты чего землю-то хреначишь, клад что ли ищешь?

Мужчина, повернув голову, смотрел в их сторону, туловище его оставалось видимым только со спины. Вроде бы фуфайка на нём надета, сапоги кирзовые, из них торчат голые ноги, тонкие, бледные. Похоже, он или в трусах, или так высоко закатал брюки, что ляжки видны. Остановился в недоумении, не понимая, как ребята оказались рядом с ним. Зататорил:

– Иди, иди сюда! Они здесь, я их видел, зелёные, с рогами, я их достану...

Парни поняли: перед ними типаж из ЛТП, белая горячка в последней стадии, чертей роет в земле, не может достать. Юрий резюмировал:

– Ёкарный бабай, нам только этого не хватало! То воры в законе, то шавки угрожают, то пловцы на лодке... Что делать-то будем?

– А ничего, – сказал Онучкин, – пусть копает, пока не хватятся его... Пройдём до озера и повернём к лагерю! И предлагаю панику не сеять, никому о встрече с алконавтом не говорить...

– Нет, Саш, ты не прав, – возразил Эдик Стаканов, – вдруг его развернёт на наше жилище, припрётся к Бараньему лбу и начнёт там раскопки? Дети умрут от страха...

– Давай приведу в чувство, погоню его же сапёрной лопатой по голому тощему заду!

Только Александр успел сказать эти слова, как мужик замахал лопаткой, словно коротким мечом и, развернувшись, бросился на ребят. То ли от неожиданности, то ли инстинкт самосохранения сработал, но все четверо разбежались в разные стороны.

– Что я тебе говорил, благодетель и заступник хренов! – заорал Сашка, отбежав от алкаша дальше всех. – Давай вязать его, а потом на дорогу выносить надо. Чёрт, это какой же крюк-то делать придётся?!

Парни одновременно услышали звук приближающегося мотора, из-за поворота, разрезая воду, выскочила небольшая лодка. На ней – двое мужчин, сразу начали искать место для того, чтобы причалить к берегу. Мужик спрятал лопатку за пазуху, как ни в чём не бывало зашагал в лес.

– Держите его, ребята! Вторые сутки ловим, бегают, пугает народ! – заорали из лодки. – Это наш, точно наш клиент!

Догнали, повалили на землю, приказали лежать и не дёргаться. Мужик скулил, размазывал слёзы и сопли, пугал всех чертями и могилой. Помогли санитарам, а это были они, из ЛТП, дотащить больного до лодки. Юрий спросил:

– Часто бегают? Вы хоть знаете, что здесь, в километре, пионерский лагерь разместился? Алкаш не только перепугает, поубивает всех обитателей? Тут же дети!

– А мы и не знали... Я вообще только с весны работаю фельдшером, никогда о пионерлагере слышать не слыхивал... А вам, ребята, забор надо ставить.

– Ну да, с вышками и колючую проволоку под напряжением натянуть, – бросил Юрий, – часто бегают? – спросил.

– За весну – этот первый, родители приехали, вывезли его в посёлок, хотели откормить... А свинья грязи найдёт. Сделаем выводы. И о детях спасибо, что сказали. А забор всё равно придётся вам ставить. Наши клиенты – ещё под присмотром. Вы бы на эков посмотрели, что там творится... Эхе-хе, не приведи господь, увидеть: в карты друг друга проигрывают, потом трупы из залива вылавливаем...

Лодка новая, мотор завёлся сразу, ЛТПэшник лежал связанный верёвкой на дне посуды, в длинных трусах из чёрного сатина и фуфайке, молчал, похоже, понимал, в какую историю вляпался и что теперь с ним будет. Пристроив багры на плечи, парни потопали напрямик, через лес, в пионерлагерь.

## Глава 4

От домика с двумя комнатами и небольшой кухней с масляным радиатором для обогрева на случай холодов директор шёл к корпусам, тяжело переставляя ноги, увязая в сыпучем песке. Возле пищеблока и малышейового корпуса, специально расположенного рядом со столовой, по территории нагло прогуливались жирные белые чайки, две из них устроили драку, орали на всю округу. Виктор Сергеевич не выдержал, хлопнул ладонью по массивной чёрной папке, которую держал в руках, разогнал дерущихся: больше всего ему не хотелось, чтобы беспокоили сон детей, такой длинный и сладкий по утрам.

Он вообще думал предложить вставать с шестой по восьмой отрядам не в восемь утра, как было заведено, а в девять или даже в десять часов: не больно им и нужна пионерская линейка, а завтрак малышам свой надо готовить с молоком и творогом, булочками да сливочным маслом. Потом – кино, а когда завтрак уляжется в желудке и захочется побегать-порезвиться, пару часов футбола или самых подвижных игр на воздухе. Перед обедом на полянке читают книжки, вожатые умеют это делать, обучались в институте. И обязательно час-полтора – дневной сон, с открытыми окнами, свежим бризом с моря. Поэтому и корпус для малышей, как по заказу, стоял первым, открытым ветрам с залива.

У ворот, закупоренных массивным засовом, глухо тарахтела машина, за радиатором курили Степан Петрович и Владимир-шофёр, вились сизые дымки, доносились голоса, слабые, не слышимые в утреннем разряжённом воздухе.

– Попили чайку? – спросил завхоз, – зря не зашли в столовую, Вера приготовила завтрак, мы поели...

– Я не привык так рано есть, приходил на работу, секретарша чай подавала с бутербродом или кофе, по настроению, – ответил директор, – ну что, в путь? А срочные дела на станции, Степан Петрович, это что?

– Заскочите на завод, – обратился к Вовчику завхоз, – там столовая работает круглосуточно... – и продолжил: – Есть у меня одна идея, старого товарища хочу навестить, лет двадцать назад он здесь заправлял ситуацией, многих знает, его уважают... Потом расскажу подробнее, вечером, когда вернётесь из города. Володя, не забудь про базу: молоко пусть только в бидонах дают, у нас не завод – дети всё-таки. И картошку – в ящиках, чтоб дышала, в мешках не бери, лучше день подождём тогда...

Сели в кабину, предварительно открыв ворота. Электрик, подошедший от водонапорного бака, помахал рукой, закрыл засов и повесил амбарный замок. Видимо, он дежурил с

ночи. Четыре километра проскочили на удивление быстро, говорить не хотелось, честно сказать, директор спал. У шлагбаума через пути медленно открыл дверцу кабины, вышел, выпустил завхоза, пожелал удачи и молча полез назад. Станция спала, на запасных путях пыхтел лишь один тепловоз, но делал это аккуратно, чтоб не разбудить спящих жителей посёлочка.

Степан Петрович, поправив одежду, зашагал к вокзалу, зная, что начальника станции ещё нет на месте – рановато будет. Дежурная по перрону Рая, красивая, одетая в специальную форму женщина средних лет, ничуть не удивившись раннему приезду завхоза пионерлагеря, сказала, что Михалыч, наверное, уже встал и поливает теплицы. Его дом находился в ста метрах от путей, и завхоз пошёл по узкой улочке, покрытой сухим мелким песком.

– Привет, Михалыч, – поприветствовал Степан Петрович старого товарища, увидев его через невысокий палисадник, – прости, что так рано, оторвись от дел, погутарить надо...

– Я знал, что ты придёшь, Кирьяныч, – такая с детства кличка прилипла к Степану, от фамилии Кирьянов, – про Бугра хочешь спросить? Давно минули те времена, ты вот теперь замдиректора, сотни детей на твоём попечении... И это правильно, жизнь не бывает только плохой или только хорошей... На всех на нас обрушился этот чёртов терминал, жили столетие на дороге тихо-спокойно, на тебе, нефть будете хранить да столько, что страшно становится... А Бугор перебрался на базу отдыха комбината, живёт сейчас у озера, в километре отсюда. Недалеко, за полчаса дойдёшь. Но я тебе не говорил, хотя он сразу поймёт, кто его сдал, – начальник станции улыбался, было видно, его забавляет ситуация, – добропорядочный он теперь, впрочем, как и все мы, старые да больные...

\* \* \*

Ровно в километре от рельсовой магистрали, по которой в начале тридцатых годов плёлся в товарняке Стёпка со своими родителями, пятью братьями и сёстрами, дедом и бабкой, проживает теперь на базе отдыха со всеми удобствами Василий Иванович, по болезни отошедший от дел авторитет по кличке Бугор, которую получил ещё на зоне, где пересеклись их со Степаном судьбы.

...Степан любил северный посёлочек, где кроме четырёх бригад лесорубов и рабочих пилорамы жили ещё отдельной коммуной геологи, искавшие в молодых Хибинах камень плодородия – апатит. Своей школы, кроме начальной, не было, двум братьям Кирьяновым, приходилось каждую осень уезжать в районный детский дом и возвращаться в семью только на зимние и летние каникулы. Иногда к ним на учёбу попадали дети саамов, которые рассказывали, как пасутся в тундре олени, как аборигенам тяжело даётся русский язык и как их пастбища полностью забирают северные промзоны, где собираются строить комбинаты по добыче никеля, меди, редких секретных металлов. Вот-вот объявят о строительстве гигантского апатитового комбината: на стройку уже собирались ехать тысячи комсомольцев-добровольцев.

Пацаны в детдоме не знали, что семья Степки выслана из Вологодской губернии, что его отец объявлен классовым врагом и что северный лесоповал, по заключению большевиков райпартячейки, поможет Петру Ивановичу, главе семейства, встать на путь исправления. Отец, грамотный крестьянин, окончивший церковно-приходскую школу, держал двух лошадей, столько же коров, поросят, всякой птицы по десятку-полтора голов, оборудовал пасеку на двадцать ульев, брал в аренду неуголья, косил траву и торговал зимой в райцентре сеном. Начальство в районе даже не спросило, как он умудряется кормить семью в десять ртов, где мал мала меньше и что все три его сына сумели закончить начальную школу. А старший, Кирьян, учился в семилетке, потом поступил в техникум потребкооперации, который год живёт в городе у брата священника деревенской церкви.

Младшего из сыновей, Михаила, везли на Север в большой бельевой корзине. На перевалочном пункте Пётр Иванович долго проходил отметку о прибытии, и, наконец, все вместе

сели в углу продуваемого сарая, построенного рядом с таким же дощатым вокзалом, поесть. Не бог весть что, но на местных станциях удалось выменять на хлеб, варёную картошку, солёные грибы и четверть молока последние домашние валенки, высокие, с утолщённой подошвой, с десятков пар шерстяных носков и варежек, которые бабушка вязала в деревне долгими зимними вечерами.

Здесь-то Кирьяновы и приглянулись директору леспромхоза, расположенного на границе с финнами. Он говорил потом отцу семейства: «Вы, конечно, куркули, классовые враги, но уж больно ухоженные, по сравнению с другими, обуты, одеты в приличные одежды, не суетились, не орали – не выли, кипятку достали, малышу молока погрели, заботились друг о друге. Вот поэтому я и взял вас одних из всего товарняка в артель... Ничего, приживётесь, дети растут быстро, лесорубами их сделаю, дом постройте, хорошо заживёте. А остальные пусть комбинат возводит, живут в бараках...»

И дом построили Кирьяновы, да какой, с двумя приделами, амбаром и скотным двором, и хозяйством обзавелись, зажили почти так же, как и на старом месте. Конечно, тосковали по родным местам, близким людям, но отец не давал волю унынию, ибо верил: уныние, как и гордыня, такие же тяжкие грехи, о которых говорится в писании.

Степан приехал из детдома после экзаменов за седьмой класс радостный, возбуждённый, всем показал свидетельство с большой гербовой печатью, потом они закрылись с отцом в светёлке и проговорили почти час. Степан мог бы пойти учиться в техникум, но, сказал отец семье, решили по-другому: «Придёт сын ко мне на лесопилку, до паспорта поработает подсобным рабочим, а там видно будет. Может, и лесорубом захочет стать. Только расставаться, как с Кирьяном, мы больше не будем...»

...Перед финской войной семью классового врага, кулака в прошлом Кирьянова выселили с приграничной территории, сначала жили в промерзающей насквозь землянке, а когда отец всё же сумел устроиться железнодорожным обходчиком, дали комнату в бараке. А Степан уже работал на стройке, жил в общежитии, его поглотил энтузиазм молодёжи, он вырос до проходчика, стал передовиком производства. Зла на советскую власть не держал, хотя помнил, как с голода да холода поумирали двое девочек и бабушка, как дед с год не вставал с постели, тихо ушёл следом за ними. Перед комсомолом не стал скрывать, откуда попал на стройку века, и товарищи не захотели принять его в свои ряды. Отец молчал, понимал, как тяжело сыну, но на нём сейчас держится вся семья: проходчики получали большие деньги и дополнительные пайки в виде продуктов питания.

...На войну с фашистами пошли записываться всей бригадой, копать в биографии проходчика не стали, попал Степан под Смоленск, угодил в окружение, потом ужасы плена... Когда бежал с тремя товарищами, радовался, думал, как хорошо, что всё обошлось. Не обошлось, срок получил на полную катушку: и как сын кулака, и как изменник родины, отбывал его здесь же, на Севере. Фронтовик, справедливый, он слыл лучшим лесорубом, вокруг него группировались бывшие солдаты и пленные, получившие различные сроки, но верх в лагере держали уголовники. Как вышло, трудно сейчас сказать однозначно, но они сошлись с Бугром, авторитетом на зоне. В разборки Степан не влезал, но его слушалась вторая половина лагеря, бывшие пленные. А Бугру была важна поддержка реального лидера – фронтовика, как и тому – поддержка в уголовном мире, чтобы отстаивать товарищей по несчастью.

После освобождения по амнистии Степан не захотел уезжать с Севера, устроился на рыбзавод мотористом, обслуживал бригады на факториях. Женился, родились у него двое пацанов. Жизнь пошла своим чередом. Несколько раз слышал о Бугре: тот тоже обосновался в этом небольшом городке, встречались даже раз, попили пивка в местном парке культуры и отдыха. Василий (настоящее имя авторитета) долго лечился от туберкулёза, фактически был не у дел, настойчиво приглашал бывшего фронтовика в гости. Не получилось сразу, а потом – закрутила

жизнь, переезд в бывший госпиталь для выздоравливающих воинов, там и поселился Степан с семьёй в качестве сторожа-пожарника-завхоза.

И вот шёл на встречу к старому знакомому, без приглашения и без предупреждения.

\* \* \*

По бумагам, здесь, в узкой вытянутой бухточке знаменитого северного озера, размещалась обычная база отдыха. Кончались южные границы водного гиганта, климат – почти средней полосы, в теплице росло даже несколько арбузов. На эту базу любили приезжать дети руководителей комбината, редко-редко заезжали сами родители. Василий жил в добротном кирпичном двухэтажном доме директора, но при скоплении важных гостей перебирался во флигель, который любил больше, чем представительские хоромы.

С поста у входа сказали, что его, Василия Ивановича, спрашивает какой-то земляк, Кирьянов Степан Петрович. «Неужели Кирьяныч, сколько лет-то прошло... – даже немного растерялся авторитет, – что же могло случиться, если он нашёл меня? А может, и не искал, он ведь где-то на побережье жил, может, проезжал мимо...» Не спеша, на ходу застёгивая тёплый стёганный халат бордового цвета, направился к входным воротам. Ему навстречу шёл крепкий мужик с загорелым круглым лицом, короткими сильными руками, улыбался очень знакомой улыбкой.

– Кирьяныч, ты что ли? Вот, не ожидал! Не прошло и двадцать лет, как ты пришёл ко мне в гости...

– Привет, Василий! Ты Бугор или можно себя попроще чувствовать с тобой? – спросил Степан Петрович.

– Для тебя, Стёпа, я всегда Василий, скромный житель базы отдыха... Как ты меня нашёл? А понял, начальник станции сдал меня... Ему можно простить, потому как я рад видеть тебя живым и здоровым. Сколько мы не виделись-то? Лет двадцать... Пойдём к воде, там беседка, чай, настоечка. Там и пообедаем, жарковато в доме...

– Василий, давай сначала о деле, можно? Выслушай меня... А чай – с удовольствием попою, ещё утро, а уже душно.

Степан Петрович рассказал о пионерлагере, за который он отвечает жизнью, о соседстве с расконвоированными осуждёнными и ЛТПэшниками на стройке, о том, как все боятся, и взрослые, и малышня, и что свернуть уже ничего нельзя, просто не получится, если ситуация выйдет из-под контроля.

– Двести детей, наши с тобой внуки, три десятка взрослых, девушки, ребята – вожатые... Ты представляешь, Василий, ситуацию?! Вдруг их на дороге встречают зэки, обещают «потрогать за буфера и пошворить рубля за полтора»...

Василий долго молчал, видно было, как неприятен ему разговор, как он ищет выход из этой ужасно сложной ситуации. Сказал, наконец:

– Мне надо бы сразу отказаться от этого разговора, чтобы даже минимума надежды не подавать тебе... Пойми, Степан, наше время ушло, я почти лежал в гробу, умирал от туберкулёза, уже пришли новые люди, зона не терпит пустот... Да, меня помнят, уважают, ко мне регулярно приезжают люди, ну, и т. д., и т. п. Я участвую в кое-каких разговорах, мирю людей, группы... Ладно, прости, хреновину говорю. Ты попал в ситуацию, я попробую что-то для тебя сделать. Только для тебя! Никому ни слова о нашем разговоре, ни своим, ни чужим... Мне невероятно тяжело ехать в город, на стройку, чисто физически, но я поеду, сегодня же... Ради тебя, моего старого кореша. Поеду, Стёпа... Только вот сейчас закусим и выпьем на дорожку. Не спеши, вспомним молодость: до станции я тебя подвезу, пожмём руку Михалычу и разбежимся. На обратном пути я передам ему для тебя слова, ты поймёшь их. А ему и знать не надо...

Со станции Степан Петрович шёл не спеша: в лесу свернул к озерцу, разделся и долго плавал во всё ещё бодрящей прохладой, но уже начинающей нагреваться воде. Вокруг стояла такая тишина, что закладывало уши...

## Глава 5

Ехал Вовчик осторожно, насколько позволял неухоженный участок дороги, ведущий к основной трассе. На асфальте стало намного легче удерживать на сиденье спящего директора: тот почувствовал комфорт от движения, растянулся на спинке спаренного кресла, голову откинул вправо, к окну. Похоже, даже похрапывал, что-то бормотал во сне.

Не знал водитель, куда ехать сначала: к заводу, в столовую или в горисполком, о нём тоже упоминалось в разговоре с завхозом. Решил Вовчик так: вот тормозну на центральной площади, разбужу шефа, спрошу, а нам, татарам, всё равно...

– К директору рыбзавода едем, – вдруг сказал сосед, вмиг выпрямившийся на сиденье, достал упавшую между ног папку, положил на колени, правой рукой стал разминать лицо.

– Так это... – начал мямлить водитель. – Мне на продбазу надо, там с утра приличная очередь выстраивается...

– Вот и поедешь, я тебя не держу, – сказал, как отрезал директор, – загрузишься, к воротам подъезжай, жди меня, поешь, обед пусть запишут за мой счёт.

– Понял, товарищ командир! – для бывшего солдата ничто так не радует душу, как напоминание о еде.

...Кабинет длинный, как кишка, три окна закрыты будто грязной слюдой, накурено, запах застарелого никотина висит в воздухе.

– Жень, – сказал Смирнов, глядя на директора завода недобрыми глазами, – ты хороший ихтиолог, на хрена полез в производство-то? Ты бы лучше замом оставался во ВНИИ: белые халаты, пробирки, редкие породы рыб... Жена допекла, а? Точно говорю, на природу, на море захотелось? Нет, дорогой, нашу студенческую базу на море не повторишь, нельзя дважды войти... Попроси крепкий чай и пару бутербродов, я не ел с утра...

– А у меня секретарь на утренний чай ушла, у них коллективный моцион, – глаза директора выражали огорчение от того, что не может угостить однокурсника чаем, – придётся подождать немного...

– Ладно, перебуюсь... Ты вот скажи: как ты мог не проинформировать комбинат о таком положении на базе отдыха, зная, что приедет столько детей?

– Виктор Сергеевич, дорогой мой, такое положение существует третий год... Когда котлованы под нефтехранилище рыли, такой грохот стоял, хоть всех чертей выноси... Ничего, две смены отдыхали, дети довольны, родители счастливы, что на половину лета пристроили их...

– Не лукавь со мной-то, моя задница сегодня отвечает за отдых детей. Режим какой был тогда у осуждённых? То-то и оно! А сейчас вон эки на наши озёра купаться и отдыхать идут, рыскают, где бы женщин добыть... Эх, Женя-Женя, а ещё друг называешься. К кому идти, кто в городе решает эти вопросы?

– Город здесь ни при чём. Это зона райисполкома и райкома партии. Я плохо с ними дружу, кроме лета, они мне не интересны, – сказал директор и начал большим клетчатым платком вытирать мокрые волосы на лбу и висках, – но и они здесь пешки, всем командуют миннефтехимпром и управление исправительных учреждений...

– Что, мало рыбки им даёшь? Эх ты, куркуль недоделанный... – задохнулся от возмущения Смирнов. – Это же морское побережье, базы отдыха, заповедник. Не понимаю тебя, твою близорукость, Жень. Короче, ты предрайсполкому позвонить не можешь?

– Почему, могу, он женат на двоюродной сестре моей жены...

– Надо же, счастье-то какое! Все вы здесь вязаны-перевязаны родственными и кумовскими связями. Звони, пусть прямо сейчас примет меня, полчаса, не больше, займу времени.

Получив согласие руководителя района на встречу, Смирнов помчался, позабыв про чай и завтрак, в дверях бросил:

– Евгений Николаевич, к моему возвращению постарайся, чтобы меня сразу приняли и в местном отделе по экам, это крайне важно, ибо возвращаюсь я на продуктовой машине, детей нельзя на завтра оставить голодными. Понял, ихтиолог?

\* \* \*

«Что я завёлся, не подстраховываю ли так сильно себя? – Виктор Сергеевич шёл улицей, ведущей от залива к центру, к гипсовому памятнику Ленина, к обшарпанной трибуне, которую не успели демонтировать после майских праздников, а, может, и руки не дошли, а, может, проще ничего и не делать, ведь всё равно скоро грянут ещё какие-то события, когда всё пространство центра города затопит людское море и медь труб местного военного оркестра вспугнёт стаи голубей и жирных серых ворон, облюбовавших старый больничный сад, где в дальнем его углу хоронили бездомных пассажиров железной дороги, свозимых со всех станций огромной области. – Надо застолбить проблему, вовремя проинформировать любое (промежуточное ли, вышестоящее ли) начальство», – думал начальник административно-хозяйственной службы самого большого северного предприятия.

Специфика его работы заключалась в том, что непосредственно через его подразделения на комбинат принимались дары мирового океана (суда могли с удивительно разной скоростью разгружаться), поэтому со Смирновым искали дружбы все: от капитанов-директоров могучих плавбаз до сейнеров «Рыбколхозсоюза», работающих на побережье Ледовитого океана и внутренних водоёмах. И главное, через него выходила конечная продукция с предприятия: консервы, пресервы, тушки и туши десятков сортов различной рыбы и все-все деликатесы. На стоящей в порту плавбазе (любой, находящейся в контакте с рыбокомбинатом), как правило, снималась кают-компания, её набивали под завязку гранд-продукцией, спиртными изысками... Здесь не стыдно было принять первых лиц области и их вышестоящих гостей из столицы.

Смирнов знал, очень хорошо знал себе цену, не зря генеральный директор Гармаш как-то в откровенном разговоре после удачно проведённого банкета с людьми, на погонах которых сияло золото маршальских звёзд, сказал:

– Виктор, я завтра могу представить тебя на должность своего первого заместителя... Но на фига нам это нужно?! Ты свободен, как птица, а я сплю спокойно, заведя твоё хозяйство под свой личный контроль. Ну, а для решения вопросов и признания твоей общественной значимости ты избран депутатом горсовета, а главное, являешься членом областного комитета партии. Это чтоб во всех городах и весях знали и помнили, кто есть кто, на самом деле!

Верил ли Смирнов своему начальнику до конца? Сложный вопрос, не ответишь однозначно, знал лишь точно: сейчас у Гармаша, шестидесятипятилетнего генерального директора, перенёсшего минимум два инфаркта, сильно пьющего до недавних пор (пока позволяло сердце), исчезла поддержка в лице замминистра отрасли, освобождённого за махинации с рыбными ресурсами на Востоке страны. В горкоме партии секретарь по промышленности прямо сказал Смирнову: «Поддержишь меня на место вашего генерального (а к тебе прислушаются, тебя знают и уважают), я буду рекомендовать тебя вместо себя, вторым секретарём горкома... Тебе сейчас пятьдесят, лет через пять придёшь генеральным, если меня раньше не заберут в министерство...»

И вот эта неожиданная закавыка, командировка на три месяца к детям. Виктор Сергеевич прекрасно понимал, чего хотел Гармаш: изучи, мол, ситуацию, можно ли из пионерлагеря

для детей сделать первоклассную базу отдыха для руководства комбината, чтоб была она своя, родная, под боком расположенная. У них есть на Чёрном море дом отдыха, со сталинскими колоннами строения, с гектарами прибрежной земли, с субтропическим парком и бассейном, где зимой тренируется сборная РСФСР по плаванию... Но это далекоовато, надо чтоб и с рыбалкой, и с охотой, и с банькой, но поближе, часа три езды на машине.

И как всё повернулось... Смирнов подходил к семиэтажному кирпичному зданию в центре городской площади, где располагались основные службы партии и советской власти. Действительно, районное начальство ждало гостя из центра, среднего роста мужчина с чёрными выющимися волосами и прямым носом, председатель райисполкома, поразил его белой накрахмаленной рубашкой. «Жена, что ли, стирает и крахмалит, аж, глаза слепит», – подумал Смирнов, представился, сели в уголок, за гостевой столик.

– Знаю, вы не завтракали, я заказал кое-что посущественнее к чаю: грудинки, немножко свежих овощей. Надо, надо поесть, дорогой Виктор Сергеевич...

– Вот Евгений, всё разболтает, – улыбнулся Смирнов, – но сначала, Илья Константинович, о деле...

– Да, я уже тоже в курсе. Держим мы их в узде по многим позициям, хорошо, что первичную парторганизацию завели на райком, финансы и соцвопросы курирует исполком... Но режим, зона – это не в нашей компетенции, областное УВД здесь хозяин и столица, поскольку собрали их с миру по нитке, со всех соседних областей свезли эзков... А ЛТП – наш, проку от него никакого, как завезли, так и уберём, хоть завтра. Никакой трудотерапии не получилось, эки из них рабов и рабынь делают, срам какой-то... Пусть лучше в овощном совхозе работают.

– Скажите, а первые два года здесь всё же режим был? – спросил с надеждой Смирнов.

– Да всё в принципе и осталось, как было, только вышки спилили да колючую проволоку убрали по периметру забора... А тока здесь и раньше не было, но было главное: за забор ни шагу, стреляют без предупреждения! За два года – ни одного ЧП, ни одного побега. Им освобождаться надо досрочно, поэтому сидели тише воды и пахали по полторы нормы за смену.

– Сейчас-то есть ЧП, как жители посёлков говорят?

– А что говорить-то, вот сводки: каждую неделю – изнасилование, в пяти точках – ограбление магазинов, причём берут только водку и другое пойло, кражи в домах, перепродают скот... Беда, Виктор Сергеевич, может, вы с вашим авторитетом поможете и нам. Но надо идти в обком партии, только они могут надавить на органы. И подключать не ниже секретаря обкома, а то и первого...

– Вот и приехали, – тихо сказал Смирнов, – вот тебе, бабушка, и Юрьев день... Ладно, Илья Константинович, готовь все бумаги, поеду в центр. Может, со мной двинешь? – Смирнов не заметил, как перешёл на «ты».

– Ой, да кому я там нужен, кто меня знает да будет слушать? – запричитал предрайисполкома. – Не надо мне искать приключения на одно место, дорогой Виктор Сергеевич... Если уж вас, члена обкома партии, не послушают, то при чём я тут!

– Последний вопрос: кто расконвоировал осуждённых, прямо и честно скажи? – Смирнов не спускал глаз с руководителя района.

– Под струю они попали, МВД вдруг гуманизацией системы занялось, куратор из замминистров решил докторскую диссертацию по данной теме защитить... Но я не говорил, вы – не слышали, не то башку мне за язык точно оторвут.

– А выпить можно у вас, тем более время обеденное настало? – попросил Смирнов водки, теперь уже доверяя этому человеку.

– Так мне уже сигнал дали, вот в комнате отдыха и столик накрыли, щас даже первое похлебаем, дорогой Виктор Сергеевич, – запричитал растроганный начальник района, – ах, как мне жалко-то, всё так некстати да ни ко времени получилось... Но стройка – стратегическая, вы понимаете, военный флот. Да и у нас в районе да и в городе бюджет увеличился почти

наполовину. Новую больницу строим, две школы, школу-интернат для поморских детишек за полтора года почти под крышу подвели... Вот какие темпы нашей жизни сейчас, ренессанс, так что ли говорят, переживаем!

\* \* \*

Чтобы сэкономить время, возвращались старой дорогой, через сопки, буквально, параллельно железной дороге. На перевале, после которого шёл плавный спуск в долину, Смирнов попросил Владимира остановить машину, вышел из кабины и долго стоял, любуясь необъятной голубизной моря, зеленым пологих склонов, умиротворённостью песчаной отмели с квадратиками домов и бараков, серебристых бочек – ёмкостей пока ещё незапачканных топливом. На середине залива стоял гигантский нефтеналивной танкер, возле которого сустились жуки-буксиры. «Зачем, кто придумал губить такую красоту? – думал Виктор Сергеевич, чувствуя, как тяжело становится на сердце, – здесь, в долине, где северного солнца летом в два раза больше, чем в Подмосковье, а в июле – жара, как в Астрахани, надо строить санатории и дома отдыха, детские здравницы и базы для рыбаков и туристов. Нет, нефтехранилище нам важнее иметь. Не против я, надо, значит, надо, тем более для флота... Но сдвиньтесь на сотню километров северо-восточнее, протяните туда ветку, закройте доступ и к стройке, и к самой базе, пусть будет стратегическим объектом по факту, а не на бумаге. Не с толпой пьяных, озверевших эков, бродящих по окрестным селеньям и наводящих ужас на жителей...»

– Товарищ директор, Виктор Сергеевич, можа, поесть хотите, девчата на продбазе сала пакет сунули, свеженькое, только привезли, с горячим чёрным хлебом... Я быстро, разложу только, – Вовчик говорил солидно, в его голосе и движениях уже не чувствовалось утренней скованности.

– Спасибо, Володя, недалеко осталось, надо спешить, надо что-то делать! Поедем уж, так на душе муторно... – сказал директор и полез в кабину.

На переезде у шлагбаума подошёл дежурный, высокий худой мужчина, посмотрел на машину, спросил:

– Из пионерлагеря? – и, получив утвердительный ответ, продолжил: – Михалыч, это, значит, начальник наш, железнодорожный, просил передать для Степана Петровича: Василия нашли мёртвым на стройке, подробности не известны... Так вот и просил сказать, слово в слово...

Смирнов, посмотрев на дежурного, понял, что ответа не получит, если задаст вопрос, торопливо, почти на автомате, бросил фразу:

– Поехали! Что это такое, час от часу не легче...

## Глава 6

Оставшись на хозяйстве, старший пионервожатый Костя Смирнов, в принципе, не ощущал какой-то боязни: ответственность большая, да, это понимал, но верил ребятам, думал, всё-таки третий год вместе тянем лямку, прошли пионерские сборы, в команде подобрались почти все заядлые туристы или альпинисты, физрук – мастер спорта, курсант мореходки – отличный пловец, сразу взял на себя безопасность на воде. И повара – тётя Вера и тётя Шура, и медики ему понравились. В медпункте – уютно, приготовлены четыре авральные койки, запаслись собственным титаном для горячей воды и двумя масляными радиаторами на случай холодов. Иногда, правда, бузила по ночам «обслуга», как называл Степан Петрович обслуживающий персонал пионерлагеря, но пока открытых жалоб не было, а там посмотрим: втык сделать – большого ума не надо.

Вожатые стали потихоньку различать своих подопечных, интересно наблюдать за седьмым и восьмым отрядами, когда на руках студенток одновременно висят по пять-десять детей. Константин старался почаще заглядывать к малышне: честно сказать, ему хотелось видеть вожатую Наташу Чегину, однокурсницу, с которой на пионерских сборах как-то само собой произошло сближение. Чем приглянулась немногословная, тихая и даже несколько замкнутая девушка, он бы не смог даже ответить. Она только в январе отметила совершеннолетие (на год раньше одноклассник поступила в институт) и так была похожа на своих питомцев какой-то детскостью и незащищённостью, что Константину, отслужившему в армии замкомвзвода, прошедшему «Крым и рым...», оказавшемуся старше её на пять лет, постоянно хотелось как-то отогреть и уберечь девушку от напастей.

Наташа довольно спокойно относилась к вниманию со стороны начальства: Костя ей нравился, но не более, так что кроме прогулок вместе с детишками других контактов не случалось. Да и дел по приезду невпроворот. И первое, о чём попросила вожатая, помочь ей отучить детей от крика в столовой.

Три отряда, шестой, седьмой, восьмой, размещались в задней части просторной, построенной когда-то человек на пятьсот, столовой, правда, за столами, как в армии, – по десять ребят. Но малышкой рассадили намного просторнее, человек по пять. И тем не менее второй смены для старших отрядов устраивать не стали, места хватило всем. Кстати, в лагере оказалось немало детей из одних семей, поэтому старшие приглядывали за младшими, особенно в столовой. Константин собрал ребят постарше, попросил их переговорить с младшими братьями и сестрёнками о правилах приёма пищи. Сработало на какое-то время, но привычка кричать почему-то именно в столовой, побеждала. Тогда вожатый принёс на ужин магнитофон с микрофоном, каким-то чудом завалявшимся в радиоузле. Попросил полной тишины, демонстративно установил аппаратуру на тумбочку у окна и объявил:

– Идёт непрерывная запись приёма пищи. Магнитофон всех записывает. Потом слушаем, как шумят отряды. Кто шумит меньше всех, получает переходящий приз – гюйс<sup>4</sup> с парусника мореходного училища «Товарищ». Приз вывешивается в кубрике отряда-победителя до следующего дня. Итоги подводим на вечерней линейке. И так – каждый день. Начали!

Воцарилась мёртвая тишина, было лишь слышно, как ложки или вилки иногда царапают тарелки, да позвякивают чайные ложечки в кружках. Первый отряд, естественно, поржал от души, но идея им понравилась, они полностью поддержали старшего вожатого.

\* \* \*

На полдень назначили сбор председателей советов отрядов, столов в библиотеке оказалось мало: младшие отряды не думали приглашать, а они, конечно же, пришли. Любопытно всё-таки: что это за сбор да ещё и без них, тут же избрали командиров октябрятских звёздочек – помощников вожатых от имени девочек и, естественно, от имени мальчиков. И всей компанией прибыли на совещание. Вот и набилась полная библиотека народа. Константин не возражал, разрешил малышам усестись на подоконниках, попросил их не разговаривать и вовремя голосовать за председателя совета пионерской дружины и его заместителя, чтоб была замена, если вдруг кто-то из них заболит.

Претендентов обсуждали бурно, почему-то все склонились к кандидату от третьего отряда, хотя Костя ждал, что верх возьмёт отличный футболист, председатель совета второго отряда Лёша Кондулуков. «Наверное, зря я развёл демократию, разрешил голосовать октябряткам, – думал старший вожатый, – теперь они точно победят с третьим отрядом простым большинством голосов... С другой стороны, пусть привыкают к активному поведению, эти шаги

<sup>4</sup> Морской флаг.

останутся в памяти на всю жизнь. И хорошо, что председателем дружины стал мальчишка, а мои симпатии – пусть останутся при мне». Все поздравляли Сашу Петрова, шестиклассника, хорошего авиамоделиста с первым взрослым разрядом по запуску управляемых моделей.

Воспользовавшись таким представительным кворумом, Костя решил обсудить накоротке и план работы на всю первую смену. Большой лист белого ватмана, на котором значилось около тридцати пунктов, написанных цветной тушью, с указанием сроков проведения, держали в руках двое ребят. Их просили походить по читальному залу, чтобы видно было всем, даже самым задним столам. Читали быстро, многое не вызывало сомнения, например, чемпионат по футболу или шахматам. А вот что такое парусная регата, знакомство с биомиром диких островов на морском шельфе и экскурсия в заповедник – вызвали вопросы и обсуждения. На «Зарницу» просили пригласить взвод воинов-шефов с взрывпакетами и автоматами «АК». А на праздник «День рыбака» заказали концерт художественности от имени вожатых и всей obsługi пионерлагеря.

На обед шли всей ватагой. «Одни начальники идут, – смеясь про себя, подумал Костя, – местное политбюро...»

\* \* \*

– Костя, Костя! Тебя кто-то просит подойти к воротам, – мальчишка нёсся, видимо, сильно, раскраснелся, штормовка распахнута, на носу – очки в тонкой круглой оправе. «Типичный очкарик», – механически подумал вожатый, а вслух сказал:

– Ты от ворот, кто там дежурит?

– Рабочие по столовой, а мы рядом оказались, на футбольном поле...

– Хорошо, забирай ребят – и в отряд: в столовую надо ходить вовремя, чтобы вас не ждали... – Костя развернулся и не спеша зашагал через футбольное поле, стараясь поменьше черпать спортивными тапочками песок. Справа от массивных дверей на воротах, обитых двойной струганной вагонкой, на зелёной скамейке со спинкой, сидели двое рабочих, одного из которых он узнал: финн, кажется, по фамилии Хилтунен.

– Тут какие-то кореша хотят видеть Витаса, – сказал финн, на вставая со скамейки, – я бы поостерёгся обниматься с ними: то ли поддатые, то ли обкурились, явно с перебором...

– Что, на территорию лезут? – спросил Константин.

– Чё лезь-то, вон, ниже клуба, по забору, такие дыры, на автомобиле можно проехать, – тихо, с какой-то злостью бросил второй истопник, – детей ухоронить не можем...

– Подстраховывайте меня, мужики, – сказал вожатый и подошёл к воротам. – Слушаю вас, товарищи. – Но засов, массивный, из толстого бруса, выдвигать не стал.

– Мы тя хотим послушать, мужик, – Константин слышал голос, но за двойной обшивкой дверей на воротах человек был почти не виден, – где ваш Витас, который хотел привет передать? Тащи его сюда. Мы сведём с кем надо, чтоб за базар отвечал...

Потом шла такая нецензурная брань, поток каких-то блатных слов и выражений, что Костя немного растерялся, стоял, молчал, не перебивая солирующего зэка. Из всего услышанного он понял одно: физрук назвался Витасом, кому-то передал привет, его слышали, хотят встретиться, но человек, которого он завалил, остался инвалидом на всю жизнь. И за это надо отвечать...

– А ты кто, малой? – спросил второй зэк. – И чё запорами пугаешь, внутрь не пускаешь? Хошь, чтоб мы на моторках к вам причалили, помацали вас малость? Давно ищем свежих да молодых цац...

– А ты не пугай! – голос Константина невольно задрожал. – Мы пуганые! За вас в болотах торчали, с калашами стерегли границу пока вы народ пугали да по тюрьмам вонь плодили...

Сам запомни и другим скажи: здесь дети, территория суверенная, мы никого не пустим. И никого не боимся. Точка! А сейчас валите отсюда...

Отошли от ворот на несколько шагов, что позволило водителю увидеть их в полный рост: парни как парни, среднего роста, худощавые, в каких-то мышино-грязных одеждах, правда, резиновые сапоги заменили на высокие ботинки из кирзы со шнурками. Тот, что выглядел постарше, повернулся к воротам, сплюнул длинной струйкой через зубы, сказал:

– Передай, *пионер*: Витаса будут ждать на озере, сегодня, после ужина... Нашего, не вашего, ха-ха-хи-и-и.

В это время к водителю подошёл Степан Петрович. Он, видимо, шёл лесом, воспользовался проломом в заборе, запыхался, спросил:

– Кто это, Константин, что за люди, что им надо? – по его голосу чувствовалось, как он встревожен, может, даже напуган. – А вы-то что восседаете, как гости? – обратился он к истопникам, – нет бы, встали стеной, дали отпор... Не отсидитесь, если припрёт братва, нейтральных здесь не будет, финн, тебе персонально говорю!

– А чё финн-то, чуть что, сразу Хилтунен... Да, в гробу я видел этих блатных! – и добавил намного тише: – И вас – тоже, всех вместе взятых и по отдельности.

– Пойдём ко мне, Костя, надо переговорить, – сказал завхоз, – я только что на станции был, кое с кем встречался... Успокойся, не стоит их недооценивать, но и паниковать мы не должны.

Большой крепкий дом Степана Петровича с хозяйством, примерно, на сорок соток, располагался за водонапорной башней, недалеко от внутренней бухточки со стороны бывшей фактории, в тихом, уютном, но комарином месте. От столовой и жилых домов obsługi его хозяйство не просвечивалось, мешал крутой откос, ведущий к воде. У крепкого на вид самодельного причала стояло три лодки, все с моторами, одна из них – «дора», большущая, на ней хозяин вывозил овец на острова, до самой осени ходил на рыбзавод.

– Познакомься, Костя, моя Серафима... – представил жену завхоз, продолжил: – Мать, принеси кваску, что-то рановато солнце стало припекать, жди браконьеров: всю факторию облепят, здесь нерестится и живёт камбала, песочек – по душе ей, так зароется, что и не видно её... – а Сам смотрит на Костю, ждёт рассказа о гостях непрошенных.

– Вчера Николай зря выступил, Витасом назвался, просил передать кому-то свою кличку, – Константин был так огорчён случившимся, что даже не скрывал чувств, – в общем, приходили гонцы, позвали физрука на «стрелку» после ужина, прямо к нашему лесному озеру.

– Ничего не надо ему передавать, – вдруг резко сказал, как отрезал, Степан Петрович, – и никуда, естественно, он не пойдёт! А вот нам надо подстраховаться, может, и подготовиться... Слушай, сынок... У меня два ружья и карабин, новый, о котором никто не знает. Ты служил срочную, оружие знаешь, поэтому карабин я передам тебе, но никому его не показывай! С такими, как Хилтунен, любого предательства можно ожидать. Да и других, кроме электрика, мы плохо знаем. Значит, карабин будет у нас в «НЗ», так? Думай, кому из ребят можно доверить второе ружьё, но так, чтобы он ни по каким параметрам нас не подвёл. Усёк, как говорит один из моих внуков?

– Усёк, но надо подумать, немножко...

– Не тяни, как надумаешь, присылай парня ко мне, я ему всё покажу и расскажу, даже пару раз дам стрельнуть в амбаре, хотя патроны надо беречь: когда приедет директор – неизвестно, на станцию бежать бесполезно, кроме пьяного участкового, никого там не найдёшь... Вот так вынуждены жить, Костя, дорогой ты мой человек. Как хорошо, что ты свалился на наши головы! Сколько у тебя мужиков-то?

– С Сашкой Мухиным, перенёсшим ДЦП, ноги у него заплетаются, вместе со мной – десять...

– Вот и слава богу, это уже сила. Перед ужином давай-ка соберём всех ребят, кое-кого из рабочих я приведу, обговорим вкратце, без нервов и воплей, ситуацию: кто и где будет дежурить, на каких постах, как патрулировать будем, где у нас узкие места, кроме провала в заборе за клубом ещё навалом таких дыр и дырищ...

– Неужели посмеют напасть? – до конца не мог поверить вожатый. – Ведь в соцстране живём, с лучшей в мире милицией и системой колоний и тюрем... Нет, не могу поверить, среди зэков тоже люди есть... Ну, скажите, Степан Петрович, есть? Неужели на детей и женщин могут напасть?

Вопрос остался без ответа. Степан Петрович сосредоточенно проверял патроны, отделяя те, что с жаканом, влево, с дробью – вправо. Запряданный в промасленную ветошь не очень внушительно выглядел карабин «Лось». Но Костя слышал, что у охотников Севера имеется эта модель, промысловики оценивают его хорошо. Сильное и страшное оружие...

## Глава 7

Директор выскочил из кабины водителя почти на ходу, не доезжая до столовой, огляделся по сторонам: никого, тихий час, все по корпусам и кубрикам. Спали – не спали, второй вопрос, но территория выглядела вымершей.

«Скорее всего, Степан Петрович у себя, отдыхает. Зайду к нему, хорошо, что райисполком угостил не только водочкой, но и накормил от души», – думал директор, жалея, что опять надо топтать по песку. На тропинке, ведущей от моря к дому завхоза, показалась собачья будка, да, что там скромничать, дом малогабаритный с огороженным загоном. Директор знал, что завхоз держит семейство лаек, похоже, у него уживалось не одно поколение одновременно: и молодые, и старые, при хозяине дружелюбные с людьми, но без него страшновато подойти к жилищу, хотя ясно, что они не перескочат загородку вчеловеческий рост.

– А вы познакомьтесь с вожаком, вот он, Нордом зовут, – стоял у забора и улыбался Степан Петрович, – я щас представлю вас, пусть понюхает, вот потрите руки ветошью, если курили или алкоголь был, лучше не дышите на него: терпеть не может...

Завхоз снял с досок старое, высохшее на солнце кухонное полотенце и, предварительно потерев свои руки, протянул его директору, затем открыл калитку в загоне, сказал как-то по-товарищески:

– Норд, ко мне, не ленись, давай, познакомься с нашим вожаком...

Смирнов сделал несколько шагов навстречу немигающим голубым глазам крупной собаки, лохматой, с шерстью, где преобладали стальные и графитовые цвета, поднял руку и замер, не зная, что ему дальше делать и что будет с ним в следующую секунду. Норд обнюхал руку, лизнул кончики пальцев, подошёл и ногам директора и приложился правым боком. Знакомство состоялось, зверь, иначе его не назовёшь, удалился к своей стае. Завхоз продолжил разговор:

– Сегодня-завтра хотел всё семейство вывезти на ближайший остров, раньше сопротивлялись, а щас привыкли, привожу им объедки из столовки – раз в сутки, много еды, особенно костей от первого блюда, остаётся, довольны псы мои. Жена кое-что для них запаривает: то свёклу, то морковь, в общем, витамины даём. Хорошая, добрая порода, очень любят детишек, но так спокойнее, когда они на острове. А зимой с ними сподручнее... Я вот стою, с час уже жду вашего приезда, что-то припозднились вы: щас Вовке попадёт от сестры-хозяйки, продукты придётся без учёта и перевеса складывать на лёд. Иначе беда, жара-то уже летняя... Да, только что ушёл от меня Константин, есть информация. Виктор Сергеевич, проходите в дом, жена кваском угостит...

– Кто такой Василий? – выпалил Смирнов. – Послушай, что мне передали на станции, только для тебя, сказали, ты поймёшь суть: Василия нашли мёртвым на стройке, подробности неизвестны...

– Боженька праведный, да что же это делается... – Степан Петрович побледнел, трясущейся рукой полез в карман за папиросами, вынул руку, стал хлопать по второму карману, понимая, что курево осталось в доме, – это беспредел, Сергеич, беспредел. Василий – старый, больной человек, правда, всю жизнь числился авторитетом в лагерных зонах на северах. Кличку имел Бугор, но не знаю, вор ли он в законе... Чуть не умер от туберкулёза, последнее время жил на базе отдыха комбината, но авторитет его уходил словно песок в песочных часах... Выходит, даже на этой паршивой стройке уже ничего не мог сделать, чтобы обезопасить наших детишек. Ох, Василий-Василий, прости... Ведь это я упросил его, больного, поехать на стройку, к их авторитету. Вот они его и убрали...

– Ну, подожди, Петрович, что ты мучаешь себя? – резковато сказал директор. – Может, там и песня-то сложилась совсем другая, может, сферы влияния, столкновения старого и нового...

– Так и я о том же: сидел бы он на своей базе, почитали бы его как мумию авторитетную и жил бы хоть до ста лет... Я его заставил поехать, без подготовки, предварительного согласования, без прикрытия, фактически одного. Моя вина, моя...

– Так, а ты-то здесь с какого боку: зона, авторитеты, отсидка...

– Потом всё расскажу, – завхоз не спешил, понимал, что наскоком ничего не выйдет, – посидел немало в лагерях я за плен в войну, там с Бугром и познакомился... Но дороги у нас разные были: я с пленными солдатами, он с ворами. Бог мой, я всё понял... Теперь они за Николая, физрука нашего возьмутся, Витас им, видите ли, нужен. Встречу после ужина на нашем лесном озере заказали, они соизволят туда прибыть на вечерние купания. Вот что, Сергеич, ты только не мешай мне... Я их встречу вечером. Не уйдут по-хорошему да навсегда, порешу, скольких успею. Не волнуйся, я один пойду, с карабином: если успею перезарядить, с десятков уложу... Твари, что делают, гниды тюремные...

\* \* \*

– Так, не мельтеши, Петрович! Карабин-марабин, знаешь, сколько тебе дадут за эту гниль зэковскую? Тут «пятнашкой» не отделаешься, под расстрел пойдёшь... Скажи-ка лучше: связь по рации только с рыбзаводом?

– Точно не знаю, но военные постоянно нас пасут, думаю, рация у них на учёте до сих пор числится. Надо с радистом связаться, узнать всё у него... Вот, времени ещё почти час, а то следующий сеанс только в двадцать два будет. – Не говоря ни слова, мужчины направились к первому корпусу.

Из громкоговорителя радиоузла, расположенного рядом с радиостанцией в первом корпусе, доносился приятный баритон вожатого второго отряда Юрия Великанова. Он, наблюдая из окна второго этажа, вёл репортаж с матча, где играл его отряд с первым. На футболистах синие и зелёные майки, выдал их завхоз в первый же день приезда ребят. Номера плохо просматривались на спинах поэтому комментатор частенько сбивался, но без стеснения уточнял у кого-то фамилии игроков, критиковал судью в поле Константина Смирнова, иногда частил, переходил на крик, явно тем самым подбадривая команду второго отряда. На лавочках, вкопанных по краям поля с обеих сторон, сидели в основном девочки из этих отрядов да Таня Сергеева привела поболеть за старших – шефов своих первоклашек. Владимир Кретов, вожатый первого отряда, стоял у штанги ворот, что-то говорил вратарю своей команды. На импровизированном табло чернели цифры: 2:1. Вот только не было понятно, в чью пользу.

Директор и завхоз прошли на второй этаж, Степан Петрович открыл последнюю дверь по правой стороне коридора, пропустил вперёд Виктора Сергеевича. Заговорил:

– Процедура тяжёлая, чтоб вызвать на связь, если буду материться, не обессудь, Сергеич, издержки производства, как говорят... Лучше вон, посмотри пока на залив, вода успокаивает.

– Да не переживай! Проси, если получится, чтобы соединили с облвоенкомом, генералом Кузгиновым, Иваном Семёновичем...

На удивление, завхоз быстро нашёл абонента, сквозь щелчки и попискивание раздался довольно прилично звучащий мужской голос:

– Что-то случилось, Петрович? Ты обычно не выходишь в это время...

– Привет, Слав, – сказал Петрович, – нужна помощь: мы до центра можем добраться? Нужен облвоенком, это серьёзно, директор пионерлагеря должен с ним переговорить...

– Да, брат, ты ни разу не выступал с такими просьбами... Понял! Шас будем пробовать.

Через щелчки и тихие затяжные гудки прорывались голоса: «Верёвочка» просила «Аккорд», тот, в свою очередь, у какого-то женского голоса просил «Сирень», потом подключилась «Колбаска»... И вот, наконец, прозвучало: «Облвоенкомат слушает». Виктор Сергеевич взял микрофон, поздоровался, представился и как руководитель административно-хозяйственной службы рыбокомбината, и как директор пионерлагеря. Добавил:

– Доложите товарищу генералу Кузгинову, кто я и о том, что прошу переговорить по очень срочному и важному делу. Речь идёт о безопасности двухсот детей...

– Вас понял, ждите (пауза)... Не уходите, ждите (пауза)... Соединяю!

Раздался мужской голос с явной хрипотцой:

– Виктор Сергеич, ты что ли, голубь ты мой! Как тебя занесло-то туда? Прости, Сергеич, слушаю тебя, внимательным образом...

– Иван Семёнович, дорогой мой товарищ, обращаюсь как к старому другу и боевому генералу. В Беломорье вывез более двухсот детишек от семи до четырнадцати лет. Рядом расконвоированные осуждённые, терминал и ветку строят. За три неполных дня было уже четыре несанкционированных проникновения пьяных или обкуренных заключённых на территорию пионерлагеря. Был у городских властей, в райисполкоме, все сочувствуют, но пожимают плечами, ссылаются на команды из столицы. ИТУ на усиление режима вновь не идёт, у них установка на гуманизацию системы... Я не могу вывезти назад детей, у многих родители выехали с Севера на отдых, их нет дома. Немало и тех, кто из трудных, малообеспеченных семей... Ты меня слышишь, Иван, ты понимаешь, о чём я говорю?

– Слышу, слышу... А что в обком партии не звонишь, ты же член обкома? Вон ведь какую задачку ты выкатываешь мне, ты понимаешь – пересечение интересов и так далее, и прочее...

– Иван, первым пострадаю я, потом гендиректор комбината. Поставь на нас крест! А я думал ты друг...

– Ладно, ладно, сразу: друг-недруг... Давай-ка, вот что сделаем: я сейчас же переговорю с генералом, начальником гарнизона, доложу обстановку. Он поймёт, сегодня-завтра с утра вышлем тебе отделение автоматчиков во главе с офицером для оказания шефской помощи в проведении пионерско-военной игры «Зарница». Усёк, дружище? А с автоматами и взрывпакетами они сами разберутся. Поставишь их на довольствие, койки найдёшь, штук восемьдесят, а? Как я придумал?! Учись, голова, картуз куплю...

– Иван Семёнович, спасибо, дорогой! Всё сделаем, в лучшем виде, будем ждать наших спасителей... Адрес, как доехать, есть на комбинате, здесь, на нашем рыбзаводе, их встретят, их радиостанция держит с нами постоянную связь, катер на ходу... Крепко обнимаю!

Связь отрубилась мгновенно, как будто кто-то ждал этого момента. Степан Петрович объяснил:

– Станция генерала – головная, он отключился, вырубилась все. Нужен рыбзавод, можно ещё раз попробовать...

– Нет, не нужен... – сказал Смирнов и впервые за весь день улыбнулся. – Ты не знаешь Кузгинова: он сейчас так закрутит, что докладывать ему об исполнении будут каждый час... На рыбзаводе встретят военных, на катере тихо доставят к нам в бухту. Военный десант... Вот голова, вот что значит настоящий боевой генерал.

– Так, Сергеич, а что вечером с озером-то будем делать? Ведь, не дождавшись Витаса, они прямиком ринутся на территорию...

– Давай готовиться к встрече. Что ты говорил про карабин?

– Мы с Константином...

– Пойдём на футбольное поле, посмотрим, как вожатый судит матч, умеет ли? Это дело хитрое, на козе не подъедешь...

\* \* \*

Первоклашки болели неизвестно за кого, но кричали неистово и так громко, что Татьяна-вожатая, закрывала уши ладонями. Директор и его заместитель уселись на лавочку в центре поля, стали болеть. Смирнов оказался настолько ярым болельщиком, что, кажется, забыл, зачем сюда пришёл. Вдруг заорал:

– Судью на мыло! – Заложил пальцы в рот и давай свистеть. Детишки были в восторге, помогали директору, кричали, повскакивали с мест и переместились постепенно на лавочку интересного для них человека. А потом уже и прижались к нему, и во все глаза смотрели на большого для них начальника, хотели ласки что ли, какой-то особенной... Смирнов заморгал веками, растопырил руки и пытался обнять всех детей, пересевших на его лавочку. Завхоз увидел, как директор передёргивает плечами, его явно колотил нервный тик. Но тот улыбался, снова пытался кричать, но горло село, звуки отказывались выходить из него: он тихо и незаметно плакал. Потом, уже через несколько минут, сказал:

– Петрович, попроси Костю заменить, нам надо втроём поговорить...

...Шли тропинкой, идущей вдоль забора, хилого, не больше полутора метров высотой, состоящего из тонких штакетин и врытых в землю брусков 15 на 15 сантиметров в сечении. Обошли, как чумные, места, где зияли дыры в полтора-два метра, их до Бараньего лба насчитали шесть.

– Линия обороны, надо признать, хреново укреплена, – сказал директор, опускаясь на обкатанный ветрами и волнами белый в серые разводы могучий камень, – что будем делать, мужики?

Молчал Степан Петрович, молчал, видимо, из-за молодости Константин. Солнце приблизилось к третьей четверти своего движения, но до сумерек было далеко: предужин, ужин, кино или тихие игры, вечерняя линейка и только после этого – на покой. А к одиннадцати ночи, без сигналов и предупреждений, светило переходило границы срединного острова в заливе и падало в воду. Вот только после этого начинали сгущаться сумерки. Все трое понимали: природа на их стороне, светло, как днём, только дурак или «гашишник» полезет в драку. Но они-то, зэки, и есть непредсказуемая угроза с водкой, гашишем или другим зельем. Тем более облюбовали тёплые озёра возле пионерлагеря, купаются, жгут костры, моются крупными кусками хозяйственного мыла, стирают бельё...

– Надо провести перпендикулярную линию от лесного озера до нашего забора: так они пойду к нам, – сказал Костя, – это будет ровно за клубом... Там должна быть моя точка с карабином... У меня на три магазина патронов, приму первый удар на себя... Ничего, справлюсь, на Даманском не то наши ребята пережили... А вы – начальники, на левый и правый фланги отправляйтесь, там тоже ваши «тулочки» могут пригодиться...

– Разумно, – сказал директор, – но есть корректировка, дорогой мой заместитель. Карабин ты отдашь Степану Петровичу, он владеет оружием не хуже тебя да и пожил поболее тво-

его, если что... Я пойду к Бараньему лбу. Ты, Костя, к воротам, там двое наших дежурных, ружьё расчехляй только в самый критический момент... Чтоб не было паники, понял, нет?

– Понял, значит, мы вожатых не будем привлекать? – спросил Константин.

– Пока нет, но предупредим их о нечаянной тревоге, объявим сбор за три минуты, укажем им пункты для выдвижения, с собой, скажем, надо иметь топоры, багры и лопаты... Как при тревоге на пожаре. Вот так, думаю, будет правильно, – директор всем своим видом показал, что устал. Это первым заметил завхоз, сказал Косте, чтобы тот сам проинструктировал ребят.

– Ну, будем готовиться к ночи, – заключил Степан Петрович.

– Нам бы только ночь простоять да день продержаться, – сказал директор, – а вы знаете, я хорошим пионером был всегда, в школе, в пионерлагере или турпоходе... Потому что очень любил свою Родину.

## Глава 8

Пионерлагерь только утихомирился, стояло какое-то безвременье: вроде бы и спать, поскольку светло, как днём, ещё рано, но и гулять, когда половина средних и младших отрядов на покое, уже неприлично. Вожатые малышей устали от рассказанных сказок и историй, бросились на свои кровати, готовые полностью отключиться, и никакая сила не заставит их подняться, тем более выйти на улицу. Старшие отряды тоже приняли горизонтальное положение в кроватях, что, само по себе, уже является достижением. Но как тут уснуть, если даже при зашторенных тяжёлыми занавесками окнах, солнце-то во всю шпарит на горизонте.

Смирнов прошёл от клуба, где при нём замаскировался в кустах Степан Петрович, до конца забора, повернул направо и вскоре увидел Бараний лоб. В руках нёс брезентовый чехол с «тулочкой», карманы штормовки, которую он предусмотрительно, глядя на ночь, надел, оттягивали десятка два патронов, четыре из них – с жаканами, на медведя. До камня добрался спокойно, минут за семь, сразу прилёг на живот в довольно просторную выбоину, ружьё расчехлил, положил у бедра. Нагретый на дневном солнце камень щедро отдавал своё тепло.

Вдруг услышал какое-то чавканье, будто кто-то идёт по мокрой густой траве. Повернул голову влево, чуть приподнялся на локте, увидел, как берегом, почти по воде со стороны причалов, к нему приближался физрук Николай. Одет в спортивный дорогой костюм, заграничный, в кедах и шапочке наездника на голове. Буквально натолкнувшись на директора, лежащего на камне, немного опешил, но, по его поведению, было заметно, что к Смирнову он шёл осознанно, видимо, знал, что тот находится в районе Бараньего лба.

– Виктор Сергеевич, хотел поговорить с вами... Позволите? – сказал Николай, не решаясь встать на колени или прилечь на камень.

– Давай, давай, приземляйся, герой дня. Стоишь, как маяк на море, незванным гостям путь указываешь... – Виктор Сергеевич опять принял строгое положение лёжа, глазами проследил, как пытается лечь и укрыться в складках камня физрук.

– Мне, наверное, надо разгрести эту ситуацию, – было видно, как трудно говорить Николаю, как он подбирает слова, – давайте, я схожу к ним в зону, переговорю с кем надо, постараюсь добиться, чтобы они отстали от нас...

– Мне говорили, что ты когда-то был связан с такими...

– Боже ты мой, я думал, всё прошло, уже выезжал на чемпионаты Европы и мира, что только в страшных снах осталась эта тема... И вот опять. Но здесь только мне надо закрыть проблему, дети есть дети да плюс женщины, не стоит рисковать...

– Коль, ты взрослый мужик! Ты что не понимаешь: они убьют тебя в первые минуты встречи, и в этом будет твоё счастье... А то замучают пытками и издевательствами в течение долгих часов, а, может, и дней. Давай, вот что сделаем... Опа, выходят... Сползай вниз, к воде, беги прямо к клубу, там Степан Петрович, с карабином... – Директор даже не оглянулся на

физрука, продолжил также шёпотом: – Скажи ему: вышли берегом, идут к камню, срочно, слышишь, срочно пусть заходит им в тыл. Да и ты помоги ему! Не подведите меня, мужики, я один остаюсь...

Солнце упало за остров, начали сгущаться сумерки, от воды сразу пахнуло сырой прохладой. «Пять, шесть... – считал про себя директор незваных гостей, гуськом вышедших из зарослей, постоявших в кружочке и дальше направившихся к Бараньему лбу. – Так, опять оставились, закуривают, говорят вполголоса, значит, побаиваются, что здесь их могут встретить. Пусть подольше постоят, пусть Николай уж, добежит скорее до Петровича, пусть выйдут они вдвоём из леса...»

Виктор Сергеевич передвинул ружьё от бедра к правому плечу. Небольшая такая двустволка, с двумя курками, была готова к выстрелам. «А что, если это разведка, – думал директор, – хотят пройти по окрестностям, а в лагерь не свернут... Нет-нет, это наша территория, на камне купается малышня... Это неважно, что у леса до воды нет забора... Кстати, будем ставить, надо срочно дотянуть до воды, может, даже и начать отсюда забор-то».

По всему выходило, что идут они прямо к камню, будто зная, что от него есть проход к третьему корпусу, к спальням старших ребят. «Хорошо, что взрослые там живут, их трудно напугать, – опять начал размышлять директор, – но, надеюсь, мы гостей остановим, предупредим и отобьём навсегда охоту сюда лезть...» А те, между прочим, уже протопали половину пути. Первым шёл высокий широкоплечий мужчина, в чёрных брюках навывпуск и такой же тёмной куртке. Он курил на ходу, пряча бычок в рукаве. Лица ещё было не видно, но до зэка оставалось метров сто, не больше. С разрывом в десять-двадцать метров за ним следовали ещё пятеро подельников.

До камня – метров тридцать, не больше, Виктор Сергеевич напрягся, как для прыжка. Он живо представил себе, как спокойно встанет во весь рост, держа в руках ружьё, скажет негромко, но внятно: «Стоять! Буду стрелять, если пойдёшь дальше!»

Увидел, как замыкающие группу зэки вдруг скомкали строй, начали сбиваться в кучу, их голоса крепили, уже отчётливо стал доноситься мат. Из леса с карабином в руках шёл Степан Петрович, рядом с ним, справа, Николай, в руках огромный пожарный багор. Директор резко оторвался от камня, встал во весь рост, ружьё держал прикладом под мышкой, ствол направил прямо на впереди идущего зэка. Сказал довольно громко:

– Стоять! Буду стрелять, кто вздумает бежать!

– А кто тебе сказал, что мы будем бежать? – вдруг задал вопрос первый зэк. – Ты пукалку свою убери! На зону захотел? Пойдём, мы тебе покажем кое-что... – Он продолжал идти к камню. Вдруг раздался довольно глухой выстрел, за ним сразу второй. Задняя группа заключённых попадала на землю, лицом вниз.

– Стоять! Ещё шаг и я стреляю! – высокий остановился, с любопытством смотря на директора и до сих пор не веря, что тот действительно выстрелит. Хотя два выстрела из карабина завхоза, видимо, отрезвили его, но на землю он, конечно, не упал, а круто развернувшись, пошёл к лежащим на траве подельникам. Виктор Сергеевич стал спускаться с камня, держа на прицеле спину зэка. Тот подошёл к своим корешам, сказал тихо:

– Что вы, суки, что ли? Попадали...

– Пасть закрой, – тихо сказал Степан Петрович, – щас 7,62 прямо туда забью... Сел, сел, говорю, на землю!

Видя, что дело принимает плохой оборот, высокий зэк опустил на землю, молчал, больше не сказал ни слова. Недалеко от него поскуливал маленький мужичонка, зажимал рукой кирзовый ботинок. «Похоже, пуля или срикошетила, или Петрович саданул ему в ногу, для острастки, – подумал директор, – и это плохо, лучше бы без крови обойтись...»

– Хочу всем сказать, – внятно и спокойно начал говорить Виктор Сергеевич, – у нас хватит законно приобретённого оружия, чтобы разогнать всю вашу шоблу. За забором у меня ещё

три десятка молодцов, ждут команды. Но сегодня, думаю, они не понадобятся. Ваш авторитет заверил: дети для вас – запрет... Вы послушались его, пришли на территорию детского заведения. Повторяю громко: детского, до кого не дошло! И на защиту этих детей мы встанем всем миром. И вам здесь ничего не светит, неужели вы не можете этого понять? – директор минуту помолчал, будто раздумывая, говорить или нет дальше. Но продолжил: – Утром к нам прибывает военный десант, с автоматами. Поняли? Попробуйте ещё раз, суньтесь, пойдёте на очередной срок. Это я вам от имени генерала Кузгинова обещаю... А сейчас подъём и топайте к себе в зону. Да не дорогой, берегом идите, чтобы вас никто не видел. Запомните и передайте другим: дорога, лес, озёра в нём, бухты и причалы – это всё принадлежит детям. А теперь медленно встали и пошли, гуськом, один за другим. А мы вас чуток проводим, на расстоянии выстрела. Пошли, пошли, вперёд!

Никто из заключённых ни слова не проронил, поднялись с земли, отряхнулись, выбрались на береговую тропинку и зашагали в зону. Трое мужчин с огнестрельным оружием и багром в руках дошли за ними до кромки леса, остановились, минут через пять, постоянно оборачиваясь, двинулись в сторону Бараньего лба. До зоны экам было идти в два раза дольше, чем до пионерлагеря. И в этом – тоже была своеобразная подстраховка.

\* \* \*

– Бил в ноги, Петрович? – первое, о чём спросил директор завхоза.

– Нет, в землю, под ноги, видимо, камень срикошетил... – ответил тот. – Но желание было прикончить всех, как псов бешеных!

– Успокойся, Степан Петрович, – миролюбиво сказал директор, – хорошо, что без крови обошлось. А где Константин, как думаете, он не слышал выстрелов?

– Здесь низина, потом – лес всё же густой... Наверное, стоит у ворот, как часовой на посту, ждёт нас, – впервые улыбнулся завхоз, хмыкнул, посмотрел на директора, – а ты воинственный, Сергеич. Только говоришь долго. С ними надо короткими командами: «Лечь! Встать! Бегом! Отставить...» К такому обращению и образу жизни они приучены за длинные отсидки. По себе знаю, а, Николай, я прав?

– Да, Степан Петрович, подтверждаю, – сказал физрук, – хотя отсидка у меня была пацанская, небольшая, но нахлебался на всю оставшуюся жизнь...

Добрались до камня, который стал серым в сгущающихся сумерках, влезли на вершину, стояли, дышали влажным морским воздухом. Справа плескалась небольшая волна, образовавшаяся отливом, она доходила до самодельных причалов, оголивших наполовину свои брёвна, обросшие мелкими ракушками. Бычки терзали, без испуга, нагло, плантации моллюсков, при этом чавкая и фырча, словно пресноводные карпы на тростниковых или осоковых зарослях. Прибрежная треска с удлинёнными головой и туловищем вышла на отмель, вставала вертикально к белому, похожему на сахар, морскому песку, копаясь в ямках и бугорках, отыскивая поспевшую на время отлива рыбную молодь. С северо-востока несколько трудяг-буксиров втягивали в залив мощный танкер, видимо, прибывший прямо из океана, но молча, без гудков и свиста, будто кто-то их предупредил, что на мысочке, рядом с их нефтехранилищем, в импровизированных кубриках спят детишки.

– Картина Васнецова «Три богатыря», – сказал директор и засмеялся каким-то отрывистым лающим смехом. За ним прыснул Николай, театрально опершись на длинный пожарный багор. Степан Петрович долго крепился, глядя на хохочущих товарищей, не выдержал тоже рассмеялся с закидыванием головы на плечи, со слезами на глазах...

Стояли долго, море не отпускало, лечило, снимало напряжение. Привёл их в чувство короткий, мощный, густой бас, изданный танкером, видимо, не туда начал заруливать один

из буксиров, и громадина возмутилась, рывкнула, чтоб повнимательнее были к уважаемым клиентам.

– Ну, что, попробуем поспать? – спросил директор. – Пройдём территорией, посмотрим, зайдём к воротам, но ружья сдавать пока не будем... Костю надо бы тоже подменить, но предлагаю, пока рассказывать ему ничего не надо. Как бы не сглазить, будешь тут суеверным... Петрович, выйди утречком на связь с заводом, узнай про солдат, пусть встретят, накормят и к нам доставят, без промедления.

С островка, расположенного от мыса в полусотне метров, отделилась точка, стала приближаться к Бараньему лбу. Степан Петрович внимательно всматривался в воду и, когда до берега осталось метров двадцать, сказал:

– Норд прёт, видимо, учуял меня, вот шельмец! Щас же за ним всё семейство прибудет. Вот помощники-спасители. А я только сегодня отвёз их туда: мало чего подумалось...

С десятков точек отделились от островка и стали быстро приближаться к берегу. У завхоза на глаза навернулись слёзы...

## Глава 9

Военные подошли на катере сразу после завтрака. Дети выходили из столовой, причал – рядом, интерес убийственный, сразу пол-лагеря собралось на дощатом настиле, стали специально потихоньку раскачиваться. Константин подбежал к толпе зевак, крикнул в полную силу лёгких:

– Летим в море, ещё секунда и поплывём к островам!

Любопытных как ветром сдуло с причала, попрыгали на землю, стараясь выбрать участочки с травой или выступающими булыжниками: кому хочется по десять раз на день вытряхивать из сандалий и тапочек песок. Но от причала не уходили: на катере стояли пять солдат и офицер в фуражке с кокардой и накинутом на плечи плаще. С утра в залив прорвался колючий ветер с моря, поэтому вожатые тоже постарались одеть детей в свитера, кофты и штормовки.

Солдаты ловко перебросили с катера на доски брезентовые вещевые мешки цвета хаки с привязанными на ремешках скатками шинелей, бережно сложили чехлы с автоматами «АК» (об этом уже доложили старшие мальчишки, не сомневающиеся, что так аккуратно в тёмно-зелёный брезент укладываются только автоматы Калашникова), выгрузили деревянные ящики с патронами и, видимо, с пиротехникой и взрывпакетами, потому как к имуществу тут же приставили военного, небольшого роста в начищенных яловых сапогах, в новых брюках-галифе и укороченной по последней армейской моде гимнастёрке. На голове пилотка, тоже новая, с ярко-красной звёздочкой. Двое солдат ловко подхватили под мышки военного в плаще, поставили на причал. Тот снял плащ, одёрнул шерстяную гимнастёрку с погонами лейтенанта и, чётко ступая, подошёл к Константину, приняв его за старшего. Доложил, негромко, но с характерной для военных артикуляцией:

– Отделение комендантского взвода прибыло для проведения военно-спортивной игры «Зарница». Старший группы – помощник начальника политотдела дивизии по работе с комсомолом лейтенант Гушин, – помолчал, добавил уже неофициально: – Лев.

– Старший пионервожатый, замдиректора пионерлагеря Константин Смирнов. С прибытием, товарищи военные, мы вас ждали! Пока пища горячая, прошу пройти сразу в столовую. А потом мы разместим вас на жительство...

– Служил? – сразу спросил офицер. – Можно на «ты»?

– Естественно, – сказал Костя, – замкомвзвода, три года на границе...

– Уважаю ваш службу, рад знакомству, три года – почти военное училище окончил, – лейтенант не скрывал своего расположения к вожатому, – а сыты мы по горло, нас так на рыбзаводе накормили, с собой дали упаковок, еле до катера добрели...

– Хорошо, идёте к месту вашего проживания, – Костя так радовался прибытию военных, что это было видно по его лицу. – В доме два входа, с торцов, по четыре койки с каждой стороны, вода, нагреватели, туалет, правда, с выходом на море, но вещь удобная и чистая, привыкнете... Вы надолго, товарищ лейтенант?

– Как только, так сразу... – заулыбался офицер. – До особой команды на вашу радиостанцию. У вас, мне передал командир, сложности с квартирантами-соседями, придётся наводить порядок. А заодно обучим пионеров воинским премудростям, даже постреляем, разрешили небольшой тир оборудовать. Да и для нашей страховки это полезно... Вот так, товарищ старший пионервожатый. А я любил мальчишкой отдыхать в пионерлагерях. Кость, тяжёлое время было, помнишь, долго раны залечивали после войны, только в пионерлагерях и отъедались, честно-то говоря. А у нас ещё и со спортивным уклоном отдых был, поэтому кормили, как на убой. И лишь в конце смены пацаны стали недоедать порции, просили поменьше класть, чтобы не оставалось на тарелках: не могли себе простить, чтобы гречневую кашу выбрасывать... – Лейтенант шёл по сыпучему песку, который шуршал под его хромовыми сапогами, плащ перекинул через плечо, помогал солдатам, таща за лямки, кроме своего, ещё два вещмешка.

У финского дома стояли директор и завхоз, смотрели на приближающихся военных. Костя успел шепнуть офицеру, кто здесь главный, опять пошли представления, знакомства, наконец, разделив солдат по количеству четыре и один да плюс офицер, зашли с двух сторон в одноэтажное, довольно просторное помещение. Оружие и боекомплект к нему, взрывпакеты и пиротехнику командир приказал сложить на своей половине дома, попросил у Степана Петровича амбарный замок и проушины. Завхоз пообещал в течении пары часов оборудовать хороший «схрон», добавил:

– Хотите, собаку поселим с вами, точно уж никто не войдёт!

Когда улеглась первая колготня и солдаты с разрешения командира разобрали кровати и устроились на «длинный тихий час» (ночь они фактически не спали, спешили к утру прибыть в пионерлагерь), директор взял офицера за локоть и повёл к бухточке, напротив фактории. Они сначала стояли на ветру, потом спрятались за мысок, ходили по песку не меньше часа, только вдвоём, говорил в основном директор, офицер молчал, слушал, потом что-то чертил палкой на земле, затирав подошвой сапога нарисованное или написанное и снова превращался в инструктируемого.

Завхоз и старший вожатый вернулись к первому корпусу, к ним подходили вожатые, получали от Константина задания, Степан Петрович проинструктировал дежурный отряд по наведению порядка на территории, сказал, что через час, у склада, вручит им инструменты для починки забора. Как-то незаметно подошёл директор, сразу сказал:

– Я уложил и Льва спать, они всё время были в дороге. Ай, молодцы, ребята, так оперативно сработали! Он всё понял, о вчерашнем инциденте я ему тоже рассказал в подробностях (до Кости даже не дошло, о чём идёт речь, хотя мужчины характерно переглянулись). Решили так: на ночь они будут выставять два поста с холостыми (так решили обозначить боеприпасы) патронами. Они сами знают, как, что и где надо делать, служат в комендантском взводе, это главная часть их военной жизни. Строго между нами: кроме игры «Зарница» никто не должен знать об их второй цели, никто. Кость, сделай Льву выдержки из плана работы по военно-патриотическому воспитанию. Это первое. Второе: распиши в подробностях, как мы представляем подготовку и саму игру. На основании этого он подготовит план обучения ребят в отрядах, свяжется с медиками по оказанию первой медпомощи, в общем, сдаст нам график занятий по дням и даже часам, будем только следить за его исполнением... Самое разумное – игру прове-

сти с субботы на воскресенье, в два дня, когда грянет всесоюзный праздник – День рыбака. Мы завершим его салютом: не зря же они и пиротехнику с собой привезли. Вот так, други мои!

Директор остался доволен происходящими событиями, а главное, он знал: дети в безопасности, ночью магазины «АК» будут иметь боевые патроны. Всё законно сделано, комар носа не подточит: солдаты привезли оружие, пиротехнику, взрывпакеты, это хозяйство надо охранять, поэтому и военные взяты из комендантского взвода, в этом и есть их основная функция. «Ах, Кузгинов, вот, голова, ну, мудр, генерал... – не раз выговаривал Виктор Сергеевич, – вечный должник теперь я перед ним! Не жалко, ничего не жалко, только бы за детей было спокойно».

\* \* \*

Связь с заводом по рации состоялась быстрая и надёжная, Виктор Сергеевич просил оператора передать слова благодарности директору за то, что встретили, накормили и оперативно переправили военных в пионерлагерь. Просил выделить двух плотников на постройку забора, больше людей не надо, сказал, что старших ребят станем приучать к труду. А вот заготовить тёс, брус и краску – большая необходимость, объёмы передаст завхоз в следующий сеанс связи. По срокам просил не тянуть, через пару дней ждёт исполнения. Если выйдет на связь оператор от генерала Кузгинова, передайте, сказал директор пионерлагеря, слова самой большой благодарности: люди прибыли, салют доставили, их разместили с питанием, всё нормально.

С десятком ребят второго дежурного сегодня отряда к заливу отправился сам Степан Петрович, за ним шёл отрядный вожатый, у всех на плечах лопаты, несколько ломов и кирок. Юрий по просьбе завхоза нёс длинный пожарный багор, сам Степан Петрович не расставался с «тулочкой» в чехле, которую для маскировки ещё обернул и байковым одеялом. Забор должен идти прямо от воды: благо за Бараньим лбом практически не чувствовалось влияние отливов и приливов, природная каменная махина сама регулировала подъём и спуск водоёма, словно у неё был свой собственный залив.

Рассчитали метраж, рулеткой отмерили двадцать две секции до самого леса, где кончался старый забор, приступили к рытью ям, правда, завхозу пришлось вкратце рассказать, какую технологию применяют для того, чтобы потом «бутить» столбы, на которые крепятся секции из досок или штакетника. Слушали нормально, за лопаты взялись с удовольствием, искали компромисс, когда натыкались на россыпь валунов, спорили, как скажется подвижка в расстоянии на прочности секций. Дело шло споро.

Выйти ребятам на работу предложил завхоз, директор задумался, но вскоре согласился: пусть, если что, видят соседи, что их не боятся, и жизнь в пионерлагере не остановишь. А ближе к обеду попросили символически поучаствовать в строительстве забора солдат, выпавшихся, вышедших познакомиться с окрестностями. Пусть хоть пару ямок выкопают, думал Степан Петрович, этот шаг тоже запишется в детскую копилку.

Ветер стих, солнышко стало припекать по-летнему, солдаты сняли гимнастёрки, с удовольствием разминали лопатами и ломом мускулы, на которые с нескрываемой завистью смотрели мальчишки. Перед самым обедом военные поставили на спуск к третьему корпусу двух пацанов сторожами, тем самым перегородив дорогу случайным посетителям заповедного места, разделись до гола и давай прыгать и нырять с каменного плато. Степан Петрович плавал вместе с ними и говорил, что вода уже пятнадцать градусов, ни сегодня-завтра прогреется до восемнадцати и что старшим отрядам, наконец-то, разрешат купаться.

А сам всё время посматривал на береговую линию нефтехранилища, думая, видно ли оттуда солдатиков, можно ли различить военную форму с такого расстояния. В голове у него рождался план: на днях вывезти их вместе с лейтенантом на станцию, пусть обойдут посёлок, зайдут на платформу, в магазин, пройдутся по строящимся веткам до гражданских сторожей,

дежуривших с карабинами на плече, мимоходом познакомятся, скажут, что прикомандированы к пионерлагерю для организации военно-патриотического воспитания детей и подростков. Это будет иметь эффект разорвавшейся бомбы, слухи за один день облетят всю округу, дойдут и до ушей расконвоированных осуждённых. А потом посмотрим, кто из них осмелится сунуться на территорию военно-спортивного лагеря.

\* \* \*

Они подъехали на площадку к воротам пионерлагеря на военном уазике в конце тихого часа. У входа дежурили вожатый второго отряда Юрий, двое ребят из тех, кто покрепче, из obsługi – электрик интеллигентного вида в очках и клетчатой кепке. Из кабины справа от водителя выскочил плотный, с приличным брюшком офицер выше среднего роста, в кителе с ремнями и полевыми погонами капитана, в брюках-галифе и хромовых сапогах. С сиденья он достал фуражку с тусклой кокардой, надел на голову, поправил ремни и направился к воротам. Электрик приоткрыл дверь, спросил:

– Вы к кому, и как вас представить?

– Хорошо забаррикадировались, ёшкин кот... Капитан Жибрик, из комендатуры колонии-поселения. Надо встретиться с начальством пионерлагеря...

– Машину оставьте на стоянке, вас проводят к директору, Виктору Сергеевичу. Юра, – обратился электрик к вожатому, – сделай милость, пройди с товарищем офицером до столовой, я видел, как Виктор Сергеевич проходил туда...

На вожатого пахнуло такой крепкой кислятиной перегара, что он невольно отвернулся. Офицер понял, что запах, исходящий от него, сильно смутил студента, рассмеялся:

– Не успел, в отличие от вас, ни пообедать, ни выпить, не дают дела, начальство загоняло...

– Не пьют у нас, сухой закон... – сказал вожатый.

– Вольному воля, вы сами свой путь выбрали.

До столовой дошли молча, ремни на кителе капитана поскрипывали, хромовые сапоги покрылись налётом мелкой песчаной пыли. На пороге у дверей стояли близняшки-посудомойки, как будто специально поджидали гостя. «Ах, какие аппетитные, – почти промурлыкал капитан, – вас бы в наш клуб, с танцем живота на сцену...» – посмотрел на реакцию женщин, перевёл взгляд на вожатого. Юрий уже вошёл в столовую, направился в незаметную в углу комнату, где обычно после всех ели директор, Степан Петрович, редко Константин. На шестиместном столе дымились две тарелки наваристого борща, горкой лежал в тарелке белый и чёрный хлеб, в лукошке красовались пупырчатые, ярко-зелёные огурцы из парников рыбзавода.

– Виктор Сергеевич, извините, из комендатуры гость, сказал, что срочно надо вас увидеть, – вожатый смутился, поняв, что не дал людям спокойно пообедать, начал как-то боком уходить из комнаты.

– Ничего, Юра, найди Константина и офицера Гущина из политотдела дивизии, приведи их сюда... Слушаю вас, товарищ капитан.

– Моя фамилия Жибрик, Станислав Иванович, я из комендатуры колонии-поселения, от которой и образован участок с осуждёнными, работающими на нефтебазе. Правда, мы находимся в соседней с вами области, но это неважно да и знать это ни к чему...

Перехватив голодный взгляд офицера, выразительно осмотревшего скромный обеденный стол, директор сказал:

– Присаживайтесь, Станислав Иванович, отобедайте с нами... Да и в ногах правды нет. Степан Петрович, – представил директор завхоза, – мой заместитель, сейчас принесёт минералочки, распорядится, чтоб вам накрыли стол.

Вернулся Петрович через минуту, неся за горлышко бутылку «Боржоми», пустые стаканы под компот стояли рядом с огурчиками. Открыл пробку, налил полный стакан прозрачной жидкости без пузырьков, поставил стакан и бутылку перед капитаном.

– Со знакомством, Станислав Иванович, – улыбнулся директор, – мы минералку пьём только на выходных днях и в городе... Приятного аппетита.

Офицер всё прекрасно понял, заулыбался, благодарно кивнул и поднял стакан:

– И вам, приятного аппетита. За знакомство и спасибо, за заботу, а то поесть, чесслово, некогда. – Оттопырил мизинец, не спеша, с чувством достоинства и не отрывая от губ, выпил содержимое стакана до дна. Лицо оставалось непроницаемым, дотянулся до огурца, взял кусок хлеба и только после этого энергично заработал челюстями. Вошла тётя Шура, заулыбалась, увидев гостя, в руках несла большую тарелку розового борща.

– Ой, вот голова дырявая, холодного компотику-то не поставила, щас будет, целую миску приготовила для вас...

Жирик буквально набросился на первое, хлебал долго, закусывая большими кусками чёрного хлеба. Когда в тарелке стало видно дно, он притормозил скорость поедания борща, раскраснелся, растегнул на боку рубашки, под воротником, застёжку на галстук.

– Ну, вы даёте, ребята! Предупреждайте, когда таким-то угощаете... Ай, хорошо-то как, по всем жилочкам разлилось, разбелось. Не поверите, некогда было с утра не то, что поесть... Всё время были в дороге. А водителя покормите где-нибудь, ладно, хороший парень, срочную служит...

– Не беспокойтесь, товарищ капитан, – сказал Степан Петрович, – о нём уже позаботились. Так что вас привело к нам?

– На вас коллективная жалоба, мои поселенцы просят защитить их от банды во главе с авторитетом из Прибалтики по кличке Витас. Вот, мол, разместились в старом пионерлагере, прикрылись небольшой группой детишек и творят беспредел... О нефтебазе намекают: уж не взорвать ли её хотят, может, вообще диверсантов прячут тут. Вот такая информация. Сразу я не смог выбраться, ЧП было у нас, вот только сейчас приехал. И скажу я вам на всё это как старый пионервожатый: ну, мудаки, клейма негде ставить, что творить-то стали, раньше так не фразерили... Хотя по одной позиции есть неопровержимый факт: человек попал в больницу, разрыв селезёнки, пришлось удалять. Говорят, что били его всем лагерем, на глазах детишек. Что можете сказать, товарищ директор?

– Волосы дыбом встают! Не знаю, смеяться или плакать, Станислав Иванович, дайте отойду о такого вероломства, такой чудовищной лжи...

Тётя Шура принесла на подносе ежи с картофельным пюре, с подливой и кусочками красных помидоров, приговаривала:

– Ешьте, только у нас такие ежи готовят, на всём побережье не сыщете! На здоровье!

Степан Петрович достал два стакана, плеснул в них минералки, большую часть бутылки вылил в стакан офицера, сказал:

– Давайте спокойно доедим второе блюдо. Кормить ещё раз до ужина никто не будет. – Поднёс стакан к губам, выпил содержимое одним глотком. Директор последовал за ним, а Жирик втянул воздух носом, пил долго, цедя сквозь зубы две трети стакана. Ел второе блюдо, громко чавкая, закапал галстук и рубашку подливой, не обращая на это никакого внимания.

Дверь в комнату открылась, вошли и поздоровались Константин, лейтенант Гушин, который надел почему-то не фуражку, а солдатскую пилотку, на ногах – кирзовые сапоги. Последним в дверях стоял Николай, физрук.

– Заходите, не стесняйтесь, – сказал директор, – обеда вам не будет, вы уже отобедали. А вот компот обещала принести тётя Шура. Опять, наверное, закрутилась, запаматовала...

Когда все расселись за столом, Виктор Сергеевич почти торжественно произнёс:

– Знакомьтесь, товарищ капитан, напротив вас – физрук пионерлагеря, Николай, он же мастер спорта международного класса, чемпион Советского Союза по современному пятиборью, член сборной команды страны, призёр чемпионатов мира и Европы, которые проходили, естественно, за границей. По вашей версии, он – Витас, авторитет из Прибалтики...

## Глава 10

Капитана Жибрика, мертвецки пьяного, уложили на свободную койку в гостевом доме. Туда же отправился после сытного обеда и водитель уазика, естественно, трезвый. Уезжали они из пионерлагеря с первыми петухами: их пение со двора завхоза прорывалось сквозь неприятные крики чаек. Степан Петрович специально поднялся пораньше, просчитав, что двенадцати часов сна для представителя комендатуры вполне достаточно. Он собирался передать, скорее, не ему, а солдатику, несколько бутербродов с подкопчённым палтусом, яички, огурцы и трёхлитровую банку домашнего кваса, всё, что с вечера припасла жена, завернула в большую чистую тряпицу и выставила в прохладных сенях.

Завхоз добросовестно выполнил поручение директора, так щедро угостил спиртом представителя ИТУ, что у того можно было выведать все служебные и личные тайны. Ради спокойной жизни детей и взрослых в пионерлагере он совершил этот не очень благовидный поступок, но в результате ему кое-что удалось выяснить.

Во-первых, термин расконвоированные осуждённые не совсем, честно говоря, подходил для бесплатной рабочей силы, применяемой на стройке, соседствующей с пионерлагерем. Все сто с лишним человек за вычетом ЛТПешников относились к разряду сидельцев колонии-поселения. Конечно, они тоже осуждённые, но по другим, более мягким статьям УК, чем отъявленные головорезы. «У меня на стройке, – бросил капитан, – всего два сверхсрочника с пустыми кобурами да трое солдатиков следят за ними. А охрана объекта – это уже другие конторы, этим «карабинеры» (капитан долго хохотал над этим словом) из МПС занимаются и спецвойска, пока объект не передадут в эксплуатацию флоту. Отсюда и бардак с дисциплиной, и пьянство, и набеги на близлежащие магазины, и поиски любовных приключений».

Во-вторых, Жибрик заверил, что закрыл сигнал, поступивший от осуждённых, списав всё на их неправильное поведение в присутствии пионеров. Оказывается, драка произошла между двумя подростками старшего отряда и зёком, который оскорбил слух пионерки матерными словами, близкими к склонению к половому акту, за что получил бы намного более тяжкую статью, как за изнасилование несовершеннолетней. Так что он должен благодарить пионеров: они удержали его от тяжелейшего преступления. Константин по просьбе капитана написал фамилии очевидцев-свидетелей происшествия, которые могут подтвердить ЧП, произошедшее по дороге в пионерлагерь.

– По Витасу, – почти шёпотом сказал капитан, – пусть ваш чемпион поцелует меня в одно место... Язык надо держать! Смотрящие везде есть, а уж на зонах – само собой разумеющееся. Не знаю, насколько ваш физрук их заинтересовал, но наш авторитет, хоть и находится аж в соседней области, имя его точно запомнил. Почему так быстро доходит информация? Поезда, машины с дальнобойщиками идут... Да мало ли: вплоть до звонков межгорода, даже через наши конторы. А тут сферы влияния задеты, это вам не шуточки...

В-третьих, на стройке собраны тихие осуждённые, таков был заказ министерства, а там вроде как эксперимент проводят, сказал капитан, всё это связано с гуманизацией нашей системы, перевоспитанием и так далее. Поэтому на территории нет вышек, собак и прочей атрибутики. «Вы бы посмотрели их жилой блок, столовую, – зло усмехнулся комендант, – санаторий, а не филиал колонии... Думаю они, с разрешения смотрящего, захотевшего позабавиться-повеселиться (скучновато, наверное, живут), просигналили о нападении пионеров на зёков...»

В-четвёртых, забор у пионерлагеря хорош, но только у ворот, и Жибрик сказал, чтобы срочно отгородились, ввели систему оперативного реагирования и слежения за дорогой. И в случае появления эков собирали команду и гнали их так сильно, чтоб те бежали до самой стройки. «Даже самые подлые не будут идти на детей (хотя не всегда это факт), – акцентировал внимание Степана Петровича капитан, – а главное, у них – УДО<sup>5</sup> и окончание отсидок по своим статьям. Им нельзя залетать даже по мелочам!»

При всей сложности ситуации с головным мозгом у пьяного Жирика завхоз всё же получил ответ и на свой терзавший его вопрос, что произошло с Василием. «Ты его знал? – спросил капитан. – У них что-то не сложилось с Налимом... Но ты не лезь в эти дела. Я уже семнадцать лет капитан, прошёл огни и воды, но в их дела не лезу. Себе дороже...» – «А что, Налим здесь, на стройке?» – не удержался от вопроса Степан Петрович. «Ты и его знаешь, ушлый ты мой?! Нельзя тебе знать всё это: лучше будешь спать и долго жить... Береги себя!» – Он отключился в долю секунды, храп, словно пропеллер одномоторного самолёта заработал, заполнил комнату гостевого дома.

У ворот пионерлагеря завхоза, Жирика и шофёра встретил солдат комендантского взвода в шинели, поскольку ночь простоять – не фунт изюма съесть. На плече у него красовался боевой «АК» с примкнутым штыком. Степан Петрович показал глазами по направлению к клубу: от него, к заливу, шёл второй солдат и тоже с автоматом, но только на груди. Капитан долго смотрел на одного, потом на другого часового, сказал:

– Серьёзно вы взялись за нас... Надо сказать своим: яйца здесь поотрывают за пять секунд. Вот тебе и «Зарница», ёшкин кот!

\* \* \*

Степан любил лес, знал и понимал его, умел разговаривать с ним. На Севере не было непроходимых чащоб и лес, даже хвойный, выглядел просветлённым, на сопках он стоял ярусами, открытый солнцу и воздуху. Что ещё спасало лесорубов, так это отсутствие толстенных вековых стволов. Да, рассказывали иногда прибывающие с других мест, что ближе к Финляндии, особенно в Карелии, есть мощные вековые леса. И Степан тоже помнил, какие неохватные брёвна он видел мальчишкой на лесопилке у отца. Но леспромхоз расформировали из-за близости границы накануне войны с северным соседом. Больше там Степану побывать не удалось.

...Они расчищали промзону для будущего комбината-гиганта по производству редкоземельных металлов. Но для этого сначала пришлось проложить дорогу от посёлочка геологов, построить для себя высоченный забор с вышками, жилые бараки, подсобные помещения, медпункт, собственную комендатуру и оборудовать кладбище. Всё остальное возводили уже вольнонаёмные, завербованные в разных концах необъятной страны. За пять километров отсюда, на границе с геологами, строили для себя и будущих горняков дома, районную больницу и школу, продуктовую базу и железнодорожную ветку, по которой планировалось вывозить стратегически важную продукцию.

Бывшие пленные понимали – домой дороги практически нет: зима с октября по июнь месяцы, полярная ночь не так и длинная, но с такими морозами и выюгами, что люди погибали при переходах от промзоны до бараков, а на внутренних лагерных дорожках, чтобы не сбиться с пути, натягивали канаты, свирепствовали болезни, туберкулёз, цинга... Но в этот период затихали все лагерные войны: чтобы выжить, важно найти компромисс в отношениях бывших пленников и уголовников.

---

<sup>5</sup> Условно-досрочное освобождение.

Маленький, в коротких сапогах, в полушубке с чужого плеча и заячьим сером треухе уголовник подошёл к нарам: не мог стоять на месте, дёргался, переминался с ноги на ногу, заговорил невероятно писклявым голосом:

– Ты што ли Кирьяныч? Если ты, то тебя Бугор зовёт на кружку чая, – и заржал: – Ха-ха-ха-хи-и-и...

Степан посмотрел на весёлого молодого зэка, понял, это – шестёрка авторитета, решил поставить его на место:

– Как тебя зовут, юноша? Тебя что, не учили представляться старшим по возрасту? Ну...

– Меня-то Налим зовут. А ты чё, фраер, в кликухи, што ли, захотел поиграться? Щас ты Бугор окликнет, он так ты окликнет...

– Карпом зовут – слышал... А вот такого имени, как Налим, не слышал, – сказал Степан.

– Да это кликуха у него такая, – сказал один из бывших пленных, – скользкий, как налима... Рыба такая, в тине живёт, без чешуи, руками не ухватишь.

– Вот, значит, ты какой, скользкий, прыткий да вёрткий. Приходи к нам на площадку, научим тебя работать, хватит в бараке сидеть...

– Чё ты, фраер, я при делах, я с Бугром...

– Ну, пошли, посыльный, почётная миссия у тебя, – сказал Степан и направился в другой конец барака.

Когда вернулся, соседи ещё не спали, ждали своего бригадира. Степан рассказал о разговоре с авторитетом, подивился, что тот выступает за нормальные отношения, чтобы, значит, совместно пережить трудную зиму.

Один из бывших командиров поведал Степану: пусть, мол, авторитет приглядится к Налиму, тот хоть и шестёрка, а шустрый, служит и нашим, и вашим, случайно услышал, как вели они разговор с сообщниками, большое недовольство выражали Бугром. И Степан при удобном случае передал этот разговор авторитету. Через несколько дней Налим исчез из барака, позже выяснилось: его перевели в медблок, сделали рабочим по захоронению заключённых.

\* \* \*

И вот опять выплыла эта кличка – Налим. Степан Петрович стал вспоминать, как выглядел зэк, который вёл разговор с Николаем (Витасом), ударившим зарвавшегося зэка. «Чёрт, а ведь он похож на того вертлявого шестёрку, состоявшего при Бугре, – думал Степан Петрович, не веря своей догадке, – голос, ужасно похожий на того Налима голос... Неужели пробился в авторитеты? Не может быть, Бугор всё бы сделал, чтобы этого не произошло. А если это так, и он вот теперь нанёс последний удар по Василию, отомстив за кровную обиду... И капитан, конечно же, неспроста подбросил его кличку, может, надеялся, что я как-то смогу отомстить за Василия. Ведь он пошёл за меня, за наших детей, в конце-то концов...»

Он не стал делиться своими соображениями с директором пионерлагеря, хотел сначала переговорить с Михалычем, главным железнодорожником, которого все знают и который знает всех. Помог случай: вечером начальник станции неожиданно приехал на своём «Москвиче» вместе с женой и двумя внуками на лесное озеро, решили искупаться, побаловать детишек. Ну, как тут не зайти в пионерлагерь, к старому товарищу. Заодно привёз авоську сигов, выловленных вчерашней ночью, килограммов пять, не меньше. До чего же хороша рыбка, северный красавец сиг поражал вкусом мяса, особенно икрой, обжаренной с луком.

– За рулём не пью, только в порядке профилактики принимаю соточку, не больше, – оправдывался железнодорожник перед женой. Внуки уже давно бегали с лайками по загону, играли и резвились не хуже молодых щенков.

– Ты бы предупредил, Михалыч, встретили бы как самого дорогого гостя, – Степан Петрович демонстративно сердился на друга, выставляя и раскладывая на столе бесконечные закуски.

– Петрович, не переборщи, мы заскочили на пять минут, чтобы, значит, свежих сижков передать, – говорил железнодорожник, удивляясь разносолам на столе.

– Оставляйтесь, гости дорогие, места хватит всем: и малышне, и взрослым, – искренне сказала жена хозяина.

Мужчины вышли во двор, надо было перекурить, обменяться кое-какой информацией. Степан Петрович пошёл ва-банк:

– Михалыч, я знаю, кто Василия убрал... У нас здесь был капитан Жибрик, прямо не сказал, но намекнул... – И он в двух словах рассказал о промзоне на редкоземельном комбинате, где они сидели всей «честной компанией», и как Бугор отправил Налима обмывать и хоронить жмуриков, нанеся тому кровную обиду.

– Я тебя умоляю... – Михалыч аж скривился. – Хорошо, что живым оставил за такую подлость. Но у нас на стройке появился авторитет, тут ты прав. Продавщица в магазине сказала, что да как стали покупать эки, пряники кто-то сильно полюбил, с брусничной начинкой. Такого раньше не было: просят красиво запаковать, пиво жигулёвское стали брать, правда, в небольшом количестве, балычок к нему, зубаточку копчёную... Здесь ты прав, надо поспросить у наших сторожей с карабинами.

– Их Жибрик назвал «карабинерами», смеялся до слёз. Он же и кличку авторитета назвал, хоть и пьяным был... – Завхоз выложил всю информацию: Михалыча он знал почти тридцать лет, их дети дружили, вместе ходили в посёлке в одну-единственную школу, теперь вот деды с внуками нянчатся.

Прощаясь, начальник станции сказал:

– Поберегись, Петрович: если Налим тебя узнал, беды не миновать. Такие мрази, как он, не прощают не только обидчиков, но и свидетелей своего унижения.

Кричали чайки, рассеявшиеся на крыше водонапорного бака, дежурные у ворот из отряда Саши Онучкина, трое пацанов, бросали небольшие камушки в птиц, те встряхивали крыльями, отскакивали на шаг-два в сторону и опять продолжали кричать. Солнце подбиралось к границе острова, но до падения светила в воду оставалось ещё не меньше часа. Первый малышовой корпус с окнами, плотно зашторенными занавесками, спал. И только потом, после наступления тишины и покоя, в густых сумерках, вожатые тихонько откроют занавески и впустят в детские кубрики свежий морской бриз.

## Глава 11

День рыбака, профессиональный праздник родителей, чьи дети отдыхают в пионерлагере, выпал на начало июля, за две недели до окончания отдыха и отъезда домой. Все готовились к нему, соединили с финалом игры «Зарница», где предполагались штурм стратегической высоты Бараний лоб, салют-фейерверк и большой концерт с участием пионервожатых. К концу июня погода с неделю покапризничала, холодов и дождя не наблюдалось, но ветер задувал прямо с моря, залив ходил ходуном, крутил буруны, смыл туалет у гостевого дома и расшвырял вторую партию двух- и четырёхвесельных ялов, которую привезли военные моряки, а ребята не успели закрепить на причале.

Кстати, в кружок морского дела пацаны буквально ломились, но и не только они, несколько девочек тоже пожелали научиться ходить под парусом. Двух ялов, конечно, маловато для всех желающих, поэтому директор пионерлагеря упросил командующего флотом прислать детям хотя бы списанные шлюпки. А военные – народ точный: дали команду соседней с заливом базе и те за пару дней пригнали целых пять ялов, новеньких, даже страшно было к ним

прикасаются. Курсант мореходки ликовал: он принёс директору план создания парусной флотилии на месте бывшей фактории, благо, там все причалы целы, надо только починить, покрасить и к зиме поставить металлический тент-хранилище. «Дело стоящее, перспективное», – сказал Смирнов-старший, похвалил курсанта, но взял тайм-аут, чтобы обдумать, как решить и эту задачку.

На днях Степан Петрович привёз со станции радостную новость: первую партию эков, человек шестьдесят, погрузили в два деревянных пассажирских вагона времён гражданской войны и повезли в соседнюю область, в колонию-поселение. Трезво оценивая ситуацию, директор не считал, что это высшие силы встали на защиту детей, видимо, что-то произошло на стыке столичных интересов. Ситуацию разъяснил директор рыбзавода, который сам вышел на связь, передал лично Смирнову: только что областной студенческий строительный отряд в количестве двухсот человек брошен на нефтехранилище и на береговые мощности рыбокомплекса. «Вот это новость, – искренне радовался за своё хозяйство Виктор Сергеевич, – рабочая сила пойдёт по всему побережью: причалы, разделочные линии, ледники разбросаны у нас по всему побережью, с довоенной поры не ремонтировались...» И студентам поставлена задача: до 1 октября сего года пустить первую очередь стройки и принять первый нефтеналивной танкер. Радиостанция «Юность» добавила радости: на стройку собирают дополнительные силы студентов со всего Севера-Запада страны, ещё около двухсот человек приступят к работам в ближайшие дни.

А завхоз снова подтвердил свои опасения: Михалыч точно узнал, авторитет – на стройке, будто ждёт чего-то, не поехал с эвакуированными, но и на людях не показывается. Старый товарищ просил Степана Петровича быть поаккуратнее, не бродить вот так запросто по окрестностям в одиночку: «Не дай бог, повстречаетесь, пощады не жди, тем более он всегда ходит с охранниками». А то, что на стройке окопался Налим, даже вечно сомневающемуся начальнику станции стало очевидным фактом.

Целый день провёл с детьми сын известного писателя Бианки, тоже Виталий Витальевич, работающий директором заповедника. Приплыл на своём катере, каждый раз ему собирали группу до тридцати ребят, и они трижды выходили в море, на острова. Видели тюленей, для них поднимали верши с большими рыбинами, попавшимися в сетки, показывали святого святого – гагачьи гнёзда, где собирают самый тёплый пух. Никто и представить не мог, что гагара – небольшая водоплавающая птица, похожая на диких уток, только расцветка перьев совсем другая, чёрных и светлых тонов.

Ближе к июлю залив начал прогреваться, уже несколько дней жарко, до двадцати пяти градусов. Бараний лоб к вечеру отдавал собранное тепло воде, и та, наконец, поднялась до двадцати градусов. Купание для малышей устраивали после полдника, по очереди, отряд за отрядом ровно по тридцать минут. И без обиды: все понимали – это Север, утром уже не искупаешься, считай, до обеда – вода не выше семнадцати градусов. На дежурство у залива бросили все силы: по кромке леса, на случай незваных гостей-соседей, ходили солдатики. Они загорели, отъелись, мальчишки называли их по именам, любили занятия с ними по военной подготовке и строевым песням. На высшей точке каменного плато стоял Николай, физрук, почему-то с биноклем на груди (смешно было на него смотреть). У воды и в воде – вожатые, в основном парни. Плато совсем полого уходило в залив, до тридцати метров можно не опасаться за глубину: комару по колено. Но потом, сделав замеры, убедились: дно постепенно опускается вниз метров на десять. Именно в том месте дежурил четырёхвесельный парусный ял во главе с курсантом из мореходки. Крики, визг, гвалт стоял такой, что надо затыкать уши, чтобы не оглохнуть. Полотенца, байковые одеяла, сохнувшие плавки и трусики разбросаны по всему белому горячему от солнца каменному гиганту, который благосклонно принял на свою грудь беззаботную ораву детишек.

О стройке и эках не забыли, просто постарались вычеркнуть их из сознания, как можно меньше упоминать в разговорах. Но ночью также дежурил, правда, уже один солдат-часовой с автоматом, у ворот до отбоя двое-трое пионеров и взрослый из вожатых или obsługi. А забор достроили ударными темпами, помогли солдаты: и ямы вырыли (тяжѐленько пришлось, камней в песчаной почве – немерено), и столбы забутили, ну а доски доверили прибывать ребятам старших отрядов. Стройматериалы за несколько рейсов доставили на катере рабочие рыбокомбината.

Многие заметили, как сдружились Лилия Витольдовна, врач, и лейтенант Лев Гушин, они после отбоя подолгу сидели на скамейке у футбольного поля, потом спускались к заливу, гуляли по песку, напротив фактории. Надо сказать, за этот месяц ни один ребёнок не попал в стационар или в изолятор медпункта, на удивление, крепкие дети приехали на отдых.

Почаще стали видѐться старший пионервожатый Константин и Наташа Чегина, «мама» семилеток из младшего отряда. Она успевала уложить детишек, прочитав или рассказав им несколько сказок, погладить почти каждого по голове и лечь в свою неразобранную кровать. Наташа с ними, думали малыши, можно спокойно спать, до утра всё будет хорошо, а скоро уже и к маме поедem... Вожатая частенько засыпала, набегавшись и намаевшись за день, но часам к одиннадцати ночи приходил Константин и уводил девушку к заливу. Там уже собиралась «тихая» компания: гитара – в полсилы, песня – в полголоса. Вместо «Взвейтесь кострами» весь пионерлагерь пел ставшую любимой песню Эдика Стаканова – «Ох, сенокос, сенокос, сенокос...» Он собирался исполнить её на праздничном концерте.

Виктор Сергеевич думал тяжѐлую думу: как уговорить Константина остаться старшим вожатым и на вторую смену. В середине июля тот подпишет характеристики на своих подопечных, директор поставит печати, в том числе и на его официальную бумагу, и Костя свободен, как птица, заберѐт свою возлюбленную Наташеньку и был таков. «А как я останусь один? – буквально в панике думал директор. – Что сделать, двойной оклад предложить? Неудобно, он совсем не корыстный человек... Может, забрать к себе на комбинат, освободив для него должность начальника отдела по работе с семьями рыбаков? Всё равно собирался убирать эту экзальтированную даму, шельму пробивную... И ничего, что у него нет семьи, видимо, скоро будет».

Директор понял: работа с детьми в таких экстремальных условиях, действительно, не только проверяет людей, грубо говоря, на «вшивость», но сплавивает коллектив, закаляет, раскрывает все тайные резервы. Он сейчас со многими из вожатых, пусть звучит это банально, пошѐл бы в разведку. «Надо все адреса, пароли, явки собрать в одно место, – твѐрдо решил Виктор Сергеевич, – почаще встречаться с ребятами, ох, как они, молодые, могут пригодиться в жизни мне, а я – им...»

\* \* \*

Солнце уже пару часов, не спеша, огибало по горизонту залив, заглянуло во все уголки, под все сосенки и ели Среднего острова, разбудило рыбную молодь на старых лагунах фактории, добралось к блюдечку лесного озера. Не забыло разбудить Норда: он потянулся, с прогибом вперѐд – назад, зевнул с каким-то вскриком и щелчком острых белых клыков, поплѐлся к калитке загона: знал, скоро хозяин принесѐт еды на полдню и потом, только бы повезло, заберѐт его на залив, купание одному не в удовольствие, вот с хозяином – это да...

Степан Петрович разлил содержимое ведра в несколько мисок, расставил их по разным углам загона, чтобы не создавать ненужных конфликтов, хотя, иерархии никто не нарушал, кому хотелось получить трѐпку от Норда. Вожак он поставил широкую, удобную для приѐма пищи кастрюлю. Пѐс посмотрел на хозяина, будто приглашая его к трапезе, услышал традиционное: «Я позавтракал», – и принялся за еду.

За это время мужчина успел полить припасённой в бочке водой несколько грядок, не снимая майки, накинуд на шею плотное средней величины полотенце и направился к выходу. Норд не спешил, доедал перловую кашу на мясном бульоне с кусочками печёнки, моркови и варёного лука, знал, что хозяин дожждётся его, не станет мельтешить у ворот. Но и не переигрывал: чуточку оставил еды на дне миски для молодёжи, легко догнал выходящего из усадьбы Степана Петровича, потёрся о его ноги, поймал жилистую руку, подсунул под неё тяжёлый загривок и заскулил от удовольствия. Хозяин сел на скамейку, положил руки на спину пса, стал перебирать пальцами шерсть на его ушах и шее. Так они просидели ещё минут пять, пока не приняли решение: пойдём на залив, надо поплавать вдоволь, пока вода тёплая.

Завхоз сунул под мышку свёрток в белой бумаге, лежавший на скамейке (он вынес его пораньше, когда шёл в загон), и, закрыв калитку к собакам, зашагал на территорию крепко спящего пионерлагеря. Норд бежал рядом. В столовой кто-то тихо переругивался, похоже, тётя Шура снова воспитывала сестёр-близняшек, опять пришли прямо с гулянья, слава богу, хоть трезвые... Первый корпус умилял своими разноцветными занавесками: жёлтые, салатные, голубые, лёгкие из ситца, они тихо шевелились на утреннем ветерке. Вожатые придумали, за тканью специально ездили в город. Последний корпус выставил на просушку обувь: боже ж ты мой, до сорок третьего размера доходили кеды и тапочки. «Вот это пионеры, – думал Степан Петрович, – как же это мы умудряемся таких троглодитов держать в сытости и довольствии?» – ему было приятно, что в этом году с поставками продуктов не произошло ни одного сбоя, не то, что в прошлые лета, стыдно вспомнить, как город отбирал у пионерлагеря продукты в городские детские лагеря, к открытию которых не были готовы местные чиновники.

У Бараньего лба встретил солдатика, сидит на всё ещё тёплом с вечера валуне, смотрит на залив, на солнечные блики, на которых игрались местные уточки: не поймёшь, то ли морские, то ли озёрные, пресноводные. Завхоз протянул свёрток, сказал:

– Поешь, жена свеженькие шанежки передала... За квасом можешь забежать позже, перед сном.

– Спасибо, Степан Петрович, от души говорю, вовремя, есть уже, как из пушки хочется... А вы решили поплавать. Удачи! Посмотрю на вас да к лесу пойду... Ну, Норд, садись, посидим вместе, подождёшь здесь хозяина. Пирога не даю, знаю, тебя уже покормили.

Завхоз снял майку, парусиновые тапочки и шаровары, старомодные, с резинками на поясе и у щиколоток, поправил на груди небольшой серебряный крестик, положил одежду на выступ и пошёл к воде. Норд вскочил, хотел идти за ним, но тот, не оборачиваясь, поднял ладонь и уложил пса на живот. Так уже бывало не раз: после полукилометрового заплыва Степан Петрович, медленно и ровно дыша, возвращался назад, собака вставала с камня и шла к берегу (лайки не большие любители купаться). Когда до земли оставалось метров тридцать, она подплывала к хозяину и сопровождала его до самого выхода из воды.

Пловец не знал, каким стилем он плывёт, руки сильно загребают воду, плечи и голова оставались на воздухе, и столько силы было в его движениях, что солдатик невольно залюбовался завхозом. Наконец, руки и плечи ушли под воду, но ещё долго было видно, как по лягушачьи работают его ноги. «Щас, наверное, начнёт разворачиваться, – солдат доедал второй пирог, оставшиеся два сунул в пустой подсумок: дежурили только с одним боевым магазином, – что-то далековато сегодня заплыл Петрович...»

Алюминиевая моторная лодка выскочила из-за мысочка с молодыми хвойными посадками, резко отвернула от берега и понеслась на середину залива. Сомнений не оставалось: она шла к пловцу. Солдат сначала даже не придал значения увиденному: мало ли рыбаков ходят по заливу, проверяют небольшие сетки и верши. Но через минуту почувствовал беспокойство: скорость не сбавляется, впереди лодки – голова Степана Петровича. Он пригляделся к пассажирам, двое мужчин сидят впереди, третий – у руля-мотора. В следующую минуту лодка буквально наскочила на пловца, так, по крайней мере, показалось солдату, который моментально

снял автомат, передёрнул затвор и лёг на плато. Сверху хорошо видно, как лодка замедлила скорость, развернулась, мотор заглох, качаясь на собственных волнах, она двигалась по инерции. Один из пассажиров встал во весь рост, на нём чернели брюки в виде комбинезона, наде того на серую рубаху, взял в руки весло и стал колотить им по воде.

– Стреляй, сынок... – вода донесла до берега крик завхоза, – Норд...

Собака вскочила и мощными прыжками помчался вперёд, несколько секунд – и она уже плыла к хозяину. Солдат положил первую очередь чуть справа от лодки, ему показалось, что слева он видел на воде голову Степана Петровича. На лодке замерли, встал второй пассажир, росточком на полторы головы меньше первого, приложил руку ко лбу, смотрел на берег. Вторая очередь попала в цель: через секунду на месте мотора поднялся столб огня и чёрного дыма. Остатки от взорвавшейся лодки затонули моментально, на поверхности воды плавали какие-то короткие доски и спасательный круг. Людей не было видно...

Первым прибежал на берег лейтенант Гушин, босой, только в трико. Задыхаясь, выпалил:

– Что, что случилось? Доложи...

– Нападение на Степана Петровича... Их было трое... Дал две очереди, взрыв, лодка тут же затонула, на воде никого не видно...

Подбежал Виктор, курсант мореходки, ухватил концовку доклада солдата, освободился от незашнурованных кед, шаровар и майки, бросил:

– Я – туда, может, успею Степану Петровичу помочь, в досках да на волне просто не видно его... – Поплыл легко, с каждой секундой заметно удаляясь от берега.

Из-за Бараньего лба показалась лёгкая «Казанка», на корме у руль-мотора восседает Смирнов-старший. Видимо, услышав выстрелы со стороны залива, успел завести лодку на причале завхоза. Он не стал никого брать с собой, пошёл, прибавляя скорость, к месту трагедии.

А дети и вожатые крепко спали: утром самый сладкий сон. Сегодня – финал спартакиады, поединок по футболу между вторым и четвёртыми отрядами, старшие остались с носом, скоростёнка их подвела. Грамоты получают новые чемпионы по лёгкой атлетике, шахматисты-шашисты, вечером, в лучах заходящего солнца – парусная регата на пяти ялах под музыку из радиозула пионерлагеря.

Ради субботы – выходного дня – работяги из посёлочка ловили камбалу в бухте фактории, собралось с десятков лодок с любителями экзотической и вкусной рыбы. Они слышали две автоматные очереди, обратили на это внимание, но подумали, что моряки-пограничники кого-то засекли по-крупному на браконьерстве. «Туда им и дорога, – сказали про себя, – обнаглели совсем, до тюленей, наверное, уже добрались...»

Сегодня Степан Петрович ждал в гости старшего сына с женой, двух внуков и внуку. Уж больно мальчишкам хотелось посмотреть финальную игру по футболу...

## Глава 12

Капитан – директор юношеской мореходной школы (ЮМШ) Виктор Иванович Никитин – сам принял вахту: учебное судно «Формоза» только вышло из ремонта, сверкало белой краской, надпись на бортах чуть выделялась добавленной синькой. На двух палубах в парадной форме стояла сотня курсантов – представителей всех групп обучения: радисты, мотористы, боцманы, будущие моряки – специалисты тралового, сельдяного флотов, береговых служб и портофлота, обеспечивающего буксировку и швартовку судов.

Ещё до захода в бухту бывшего пионерлагеря, как только обогнули лесистый остров, в глаза бросился высокий из посеревшей от времени древесины крест, самая приметная точка на мысочке, с расположенными на нём тремя деревянными корпусами, хозяйственными и жилыми постройками в виде финских домиков и песчаными плёсами старой фактории. Северная примета: кресты ставят, как правило, в память об известных людях и целых экспедициях,

нашедших здесь своё успокоение. В губе, прямо на заливе, бандиты забили вёслами до смерти замдиректора пионерлагеря по хозяйственной части (попросту завхоза) Степана Петровича Кирьянова, отца двоих сыновей и деда пятерых внуков. Он охранял покой отдыхающих здесь детей, столкнулся с зэками, убежавшими со стройки нефтехранилища, и погиб. Подоспевший к месту трагедии вооружённый солдат расстрелял лодку с бандитами, утонули все. Подплывшая к месту трагедии собака завхоза по кличке Норд кружила на воде всё время, пока спасатели не вытащили тело хозяина. Сил доплыть до берега у лайки не оставалось, пришлось затаскивать её в лодку.

Судно трижды громко и протяжно прогудело, вспугнув чаек, привыкших за годы после трагедии к тишине и покою, помянуло хорошего человека. Место отдыха детей временно законсервировали, поняв, что пока зэки по соседству, детям здесь делать нечего. Но время шло, нефтехранилище сдали в эксплуатацию, зэков давно убрали, заменив на вольнонаёмных рабочих. И вот учебное судно со ста курсантами впервые отшвартовалось у старенького причала бывшего пионерлагеря, воспользовавшись начавшимся приливом. Собственно, «Формоза» привыкла к таким неказистым причалам, много лет она развозила по работающим в путину точкам рыбокомбината, разбросанным по всему побережью, небольшие грузы, дефицитные продукты питания (овощи, фрукты...), почту и зарплату. Теперь пароход стал собственностью будущих моряков: их первый выход не зря пришёлся на Беломорье, надо обследовать старые стены и принять решение об открытии морской летней базы ЮМШ.

Построение и прохождение торжественным маршем отменять не стали, хотя все дорожки на территории пионерлагеря засыпаны песком, у корпусов – заросли иван-чая и куриной слепоты, сочетание бордово-красного и ярко-жёлтого цветов создавало какую-то сказочную, фантастическую картину. У старенькой обветшалой трибуны в форме корабля, сохранившей надпись «Юный рыбак», выстроились пять взводов курсантов во главе с командирами, некоторые из них начинали здесь карьеру в кружке морского дела, которым руководил Виктор Никитин. А старшим вожатым пионерлагеря тогда был Константин Смирнов – нынешний замдиректора мореходной школы по воспитательной работе. Вот такая метаморфоза иногда происходит в жизни.

\* \* \*

Сейчас Виктору тридцать три года, окончил высшую мореходку, вместе со своим заместителем Константином Смирновым создавали ЮМШ. Начинали с подвала-бомбоубежища, это всё, что комсомол смог им предоставить. Два здоровых мужика получали мизерную зарплату воспитателя детского клуба при ДЭЗе, вместе с бабушками пенсионного возраста посещали семинары по изготовлению мягкой игрушки и подготовке гербариев и фенологических календарей.

Хорошо, что городские чиновники не мешали им пользоваться «крышами» и гороноб, и пионерии-комсомола, подписывали ходатайства к военному начальству, к рыбакам и в пароходство о материальной поддержке ЮМШ, организации учебно-воспитательного процесса подготовки младших специалистов для нужд рыбного и военно-морского флотов.

Только на пятом году существования, когда уже больше сотни ребят от десяти до пятнадцати лет занимались в пяти группах, школе определили статус профтехучилища. Неказисто, надо прямо сказать, но настоящая морская форма, как у курсантов мореходки, их система жизни и воспитания, возможность пройти практику вместе с ними на судах береговых служб, а лучшие из лучших на всё лето уходили на учебном паруснике, конечно, всё это привлекало мальчишек, тем более они были в основном «воспитанниками улиц», из трудных семей, с далеко небезупречными биографиями.

Костяк ЮМШ составили ребята, которые занимались парусным спортом в пионерлагере. Многие из них сами закончили мореходки, стали преподавать, естественно, на общественных началах. Денег никто не давал: ни советская власть (гороно), ни комсомол с пионерией, ни гиганты морской индустрии, которым как воздух нужны такие специалисты, но у них на эти цели не заложены статьи расходов.

Виктору повезло: папа с мамой – морские начальники, обеспеченные люди, по северным меркам – живые миллионеры. И женили его по любви, и жильём кооперативным обеспечили, и двух внуков воспитывают не хуже, чем в гарвардской частной школе или элитном пансионе. Жена не работает, счастлива, что муж не в море, не надо ждать его минимум по два месяца с рыбалок. А на плавбазах старые друзья и по полгода осваивают морскую целину.

Константину такого счастья не выпало: родители далеко, старые уже, пенсия, как у миллионов пожилых людей, но они не в обиде, отец – заслуженный строитель, сто двадцать рублей получает, шутит: вот бы столько платили, когда жизнь начинал на стройке. Так что они, скопив, всё время как бы невзначай, мимоходом, чтобы не обидеть сына, подбрасывали ему денег. Наташа, жена, вожатая пионерлагеря из малышowego отряда, расцвела, сохранив свою детскость и при этом став обладательницей прекрасной фигуры. Она вела кружок эстетического воспитания в доме пионеров, получала аж семьдесят пять рублей. Ну и Костя недалеко от неё ушёл на ставку воспитателя детского клуба. Заводить детей жена категорически отказывалась: комнату от роно ей дали в двухэтажном шлакозасыпном общежитии, угловую, с промерзающей насквозь стеной и падающими по весне обоями. Срабатывала система собственного конденсата, а с ним невозможно бороться.

Вечерами Константин всё чаще оставался в таких тёплых и родных пенатах, с туалетами и даже работающими душевыми кабинами, с обустроенными классами подвала-бомбоубежища. Денег катастрофически не хватало, но на пару бутылок портвейна «777» он наскребал: занимался с несколькими учениками подготовкой уроков, за что родители сами, без малейшего принуждения с его стороны, платили деньги. Жена легко оставалась дома одна, не готовила, обходилась яичницей и чаем. Включала масляный обогреватель и могла сутками напролёт читать книги.

Их стал устраивать такой образ жизни, месяцами никто не беспокоил, не приходили неожиданные гости: родители жены всю жизнь прожили в закрытом (с особым паспортным режимом при въезде-выезде) городке, совсем отвыкли от шума и общения. Раз в месяц Наталья ходила на почтаamt звонить, говорила родителям, что муж занят на мероприятиях с детьми, которые невозможно отменить. Ей верили, потому что хотели верить, обещали прислать посылочку и присылали. В отпуск, на родную Волгу, мама с папой выехали раз за несколько лет, по возвращении пожилы полтора дня у дочери в общежитии, наняли за безумно дорогие деньги такси и почти тайно, когда Костя был на занятиях, уехали домой. И опять всё тихо – мирно, как будто ничего и не произошло.

Разговор с женой состоялся после почти недельного отсутствия Константина дома, когда он, похоже, случайно оказался в ресторане морвокзала, работающего круглосуточно. Там солировал никому неизвестный тогда Вилли, с небольшим оркестриком, они как-то познакомились, много пили, тому понравились Костины стихи, обещал на них написать песни, заработать много-много денег. А кончилось всё медвытрезвителем, куда угодил естественно, один малоопытный воспитатель детского клуба. Бумага из милиции пришла почему-то в комсомол, туда вызвали Виктора Никитина и сказали: «Смирнова убрать, через сутки проверим!»

– Я знаю, что тебе, кроме ЮМШ идти некуда, – сказала Наталья, – но и туда тебя больше не пустят: во всех детских учреждениях тебе уже перемололи все косточки... Ты полный неудачник, поэтому и пьёшь, как неудачник. Ты отказался от предложения Смирнова-старшего, а он приглашал тебя не только на комбинат, но и директором пионерлагеря на юге с перспективой получения собственного жилья. А у тебя была идея фикс: создать такую море-

ходную школу, чтобы из неё без экзаменов брали на учёбу в мореходки. Нашёл вторую школу Принстона?! Глупец, ты и здесь промахнулся, потому что у тебя в ЮМШ – уличное хулиганье и дебилы без семей и корней. Какая мореходка их возьмёт без экзаменов?! В общем, так: я взяла на месяц отпуск, уезжаю к маме с папой, оставайся здесь, не пей, найди себя, жильё, женщину, которая примет тебя... Иди работать, в порту и на рыбокомбинате нужны разнорабочие, платят посменно. Приеду, чтобы твоего духа здесь не было, это моё последнее слово.

\* \* \*

Смирнов-старший разыскал портового рабочего Константина Смирнова лишь на третий день: порт не входил в структуру рыбокомбината, где после нескольких лет секретарствования в горкоме партии Виктор Сергеевич стал генеральным директором. Показатели росли, его не раз приглашали начальником главка и даже членом коллегии министерства, но обком партии не отпускал, все готовились к юбилею предприятия. Грандиозное событие грандиозно отметили в масштабе всей страны. И Смирнову пришлось пережить венец славы: ему присвоили звание Героя Социалистического Труда, а через полгода избрали депутатом Верховного Совета СССР.

– Я виделся с Виктором Никитиным... Я огорчён, что ты исчез с горизонта. Ты был на месте в пионерлагере, я не знал лучше педагога и детского организатора... – Смирнов-старший говорил жёстко, даже жестоко. – Скажи: ты сейчас пьёшь? Могу устроить к лучшему наркологу в Ленинграде, двое моих друзей прошли там курс лечения, тайно: волос не упал с их голов, не то, что карьеру потеряли.

– Вопрос не в лечении, вы понимаете... Тут самому нужно принять решение. Но должна быть мотивация. А я потерял всё: семью, друзей, среду... Вот хотел уйти в море, меня никто не берёт.

– Подожди, ты историк? Есть ШРМ, а есть типа такой же, но у рыбаков, которая обслуживает несколько флотов. Учитель может проболтаться в море хоть год, его передают с судна на судно, учит рыбаков, принимает зачёты. Или размещается на плавбазе и к нему приходят на консультацию моряки, разгружающиеся у «матки»... Но это, Константин, должен быть железный характер. Выдержишь, как сам-то ощущаешь себя?

– У меня есть шанс попасть туда?

– Есть, иначе не разговаривал бы с тобой. На днях уходит в море капитан-директор плавбазы, мой друг Серёга Жуйкин, я поговорю с ним, ты будешь у него под колпаком шесть месяцев, минимум. Предмет не забыл?

– Отлично закончил вуз да и люди там взрослые, будем вместе грызть гранит...

– Меня в любом случае ты не подведёшь: если что, никто и знать не будет о твоих закидонах, Серёга не допустит. Но тогда я отрекись от тебя и шансов больше не будет... Это твоя смерть, снова к жизни ты не вернёшься, прости, говорю жестоко, но как есть, на самом деле.

– Я знаю... Больше разнорабочим я не выдержу и койка в общежитии не будет нужна.

– Тебя завтра оформит директор школы Марк Исидорович, плавбаза выйдет на днях, прибудешь к Сергею сам. Ни пуха. Выдержишь, приходи ко мне, будем говорить дальше. Не выдержишь, не обессудь...

За полгода Виктор Сергеевич перевёл детище Кости – мореходную школу – в своё подчинение: у него есть учебный центр, где готовят рабочих в цехи предприятия. По некоторым позициям профессии совпадают: ему нужны были и здесь, в городе, и на побережье свои мотористы, радисты, квалифицированные матросы, а профессии для цехов остались неизменными. Ну а поскольку статус у школы стал как у училища, он оформил Виктора в должности капитана-директора, надел на него чёрную парадную форму с золотой широкой полоской на рукавах и с «капустой» на фуражке. Два заместителя, по воспитательной и по учебной работе,

приравнены зарплатами к начальникам цехов, а инструкторы в группах получают как мастера. Деньги отличные с учётом квартальных и годовых премий. Все учащиеся получают свидетельства об окончании курса обучения по профессии. Конечно, спецы в гороно понимали, что это полная абракадабра и только Герою Соцтруда и генеральному директору с миллиардными оборотами можно было провести такое решение в жизнь. Но что удивительно: отбоя от желающих, особенно парней, у которых полно проблем в общеобразовательных школах, не было. Оно и понятно: летняя и зимняя морская форма, практика на судах, бесплатные обеды, свидетельство о получении профессии на дороге не валяются. Название школы менять не стали, она так и осталась юношеской мореходной, единственной не только в городе, но и в области.

Константин вернулся в порт через девять месяцев, с бородой, посвежевший, помолодевший, со справкой из медчасти плавбазы о наличии стопроцентного состояния здоровья. Лишь глаза с врождённым астигматизмом подвели, но это легко исправляется специальными очками. В разговоре со Смирновым-старшим сказал: не стоит, мол, ему возвращаться туда, откуда не по доброму ушёл. Да и ШРМ для моряков ему понравилась, сколько людей, сколько судёб.

– Дорогой мой, ты теперь не гороно и не комсомолу служишь. Ты в структуре и штате комбината. И, знаю точно, пользы от тебя в ЮМШ будет намного больше. Ну и потом, это всё-таки – твоё детище... Витька так, технарь, пацан против тебя, сынок избалованный жизнью и родителями. Ему широкие лампасы намного дороже, чем какие-то пацаны. Но дело он любит, знает, а всё остальное – на тебе будет и на втором зама по учебному процессу. Вот так я вижу твоё будущее и всей вашей команды. Форму с капитанскими лампасами пошьёшь в нашем ателье, я скажу кому надо, помогут во всём. Как с семьёй?

– Никак, в общаге лежала повестка в суд, но, похоже, коль мы без детей, нас развели автоматически, по заявлению одной из сторон.

– Ну, что ж, это уже легче пережить, чем то, что с тобой могло произойти. Табу держишь?

– Даже не вспоминается. Мы об этом серьёзно говорили с Сергеем Ильичём, вашим другом...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.